

Волчья сотня

Автор:

Дмитрий Даль

Волчья сотня

Дмитрий Даль

Волчий Мир #2

Сергей Одинцов, наш современник, никогда не думал, что может оказаться в чужом мире. Здесь Средневековье соседствует с новыми технологиями, а звон мечей дополняют выстрелы огнестрельного оружия. Бывший раб-гладиатор оказался на чужой войне, охватившей лоскутные государства, и теперь это его война. Под его командованием легендарная Волчья сотня, а сам он известен как сотник Волк, за чью голову объявлена большая награда, а таинственные магики, хранители новых технологий, считают его главной угрозой существованию всего мира. Грядет великая битва, в которой будут вершиться судьбы народов, и в этой битве сотнику Волку предстоит сыграть решающую роль.

Дмитрий Даль

Волчья сотня

Добро, не отвергая средства зла, по ним и пожинает результаты; в раю, где применяется смола, архангелы копытны и рогаты.

Игорь Губерман

Глава 1 Разведчики

Утром выпал первый снег и заметно похолодало. Сбросившие пожелтелый лиственный наряд деревья стояли умытые белизной, готовые к предстоящему долгому зимнему испытанию. Проезжие тракты покрылись тоненькой корочкой льда, которая ломалась и трещала под копытами лошадей и колесами телег обоза. Скоро зима вступит в свои права, укроет землю и деревья толстой снежной шубой, заледенит дороги, проморозит реки и озера, выстудит жизнь из слабых и отчаявшихся.

Сергей Одинцов встал ни свет ни заря, когда в лагере еще спали. Только дозорные возле костров бродили из стороны в сторону, то и дело подпрыгивая да притопывая, в надежде согреться. Холодно, жуть. Выдохнув, Сергей посмотрел на облачко пара, поднявшееся изо рта, зябко потер руками замерзшие плечи, покрытые простой полотняной рубахой, и вернулся в походный шатер.

Возле ложа на деревянном приступочке стоял кувшин с колодезной водой. С ночи страшно хотелось пить. Серега в три глотка осушил кувшин, утер рукавом мокрые усы и вернул кувшин на место.

Чем теперь заняться? Забраться на ложе, продолжить сон. У него еще есть пара часов в распоряжении. Или облачиться в теплое, седлать коня и прокатиться с ветерком по окрестностям.

Последние несколько недель выдались тихими и спокойными. Солдаты Вестлавта топтали чужую землю и не встречали сопротивления со стороны хозяев. Складывалось впечатление, что князь Боркич либо испугался и отступил к самой столице, чтобы дать там решающий бой, либо готовит какую-нибудь хитрую ловушку, в которую и заманивает своей покладистостью вражескую армию. Одинцову все это не нравилось. Не любил он затишья. Они обычно перед бурей случаются, но деваться некуда.

Сегодня во второй половине дня его сотня, получившая в народе название Волчьей, должна сняться с насиженного места вместе с тремя другими сотнями и отправиться на юг, на соединение с основными силами Вестлавта, чтобы массированно ударить по Вышеграду, столице княжества Боркич.

Серега подошел к еле тлеющему очагу, взял в руки кочергу и помешал угли. Кататься по холоду совсем не хотелось, признаться, и спать тоже не тянуло. За

последние дни он отоспался про запас. В такие минуты Одинцов тосковал по хорошей книге, которая помогла бы убить свободное время, разогнать скуку. Одна книга у него была. Сочинение Корнелиуса Кнатца, посвященное Железным землям, таинственной, закрытой от посторонних области, где жили магики, жрецы техногенного мира. Так их в свое время окрестил Сергей.

При всем кажущемся Средневековье мир, в который оказался заброшен Сергей Одинцов, простой российский торговец, вовсе не был так прост. В нем немыслимым образом сочетались тяжелые стальные мечи, замки, стрелометы и огнестрельное оружие. Монополия на изготовление сложно-технических явлений, явно провалившихся из далекого будущего, принадлежала закрытой касте магиков. Большая часть этих высоколобых умников обитала в Железных землях, но были и такие, которые разъезжали по лоскутным государствам, торгуя изделиями направо и налево.

Книга Корнелиуса Кнатца рассказывала о Железных землях, только была написана таким тяжеловесным языком, что после прочтения пары страниц тянуло налить себе стаканчик вина, затем и другой. А там уже и не до книги...

Только вот пить с утра это по меньшей мере дурной тон. Да и не тянуло совсем.

Серега собрался было вернуться на ложе, закутаться в одеяло и попробовать заснуть. Если уж не получится, то повспоминать родину, далекий двадцать первый век. В лихие дни, когда битвы сменялись битвами, о родине не вспоминалось. Не до этого. Но в часы отчаянной скуки проклятая ностальгия лезла горлом, напоминая Сереге, что, в сущности, он чужой в этом мире. Правда, то дурное чувство проходило, стоило дороге или новому сражению позвать его.

Вот и сейчас полог шатра откинулся и внутрь без спроса скользнула серая тень. Одинцов потянулся к мечу, стоящему в изголовье, но отдернул руку. Лех Шустрик, верный друг, сопровождавший его с первых шагов в этом мире, стоял на пороге.

– Кажется, я не помешал.

– Чего тебе? – хмуро и недружелюбно спросил Серега.

Шустрик почувствовал, что командир не в духе, и решил не экспериментировать с шутками, поэтому ответил просто:

– В нескольких верстах отсюда замечен вражеский отряд. Пара десятков бойцов. Что они здесь делают – неясно. Часть разведчиков вернулась, остальные остались отслеживать передвижение противника. Что делать будем, Волк?

Одинцов восторженно. Кажется, это утро обещало быть по меньшей мере интересным. В жилах забурлила кровь, проснулся охотничий азарт. Забыта предыдущая хандра. И вот он уже натягивает штаны, отдавая на ходу распоряжения.

– Поднимай десятников Дорина и Черноуса. Поедем, покатаемся по окрестностям. Их ребята будут меня сопровождать. Мало ли чего. Надо бы узнать, откуда появился вражеский отряд. Только прошу, не создавай лишнего шума.

– Лишний шум, это как ты во время побега с постоялого двора перепутал тазы прачки с походными барабанами? – съязвил Лех Шустрик и выскочил наружу.

Серега так и застыл с сапогом в руке. Пришли воспоминания. Кажется, это было так давно и недавно. Всего каких-то полгода назад он был руководителем отдела розничных продаж в крупной торговой компании, занимающейся продуктами питания. Пять дней от звонка до звонка на работе, встречи, переговоры, контроль продаж, стимулирование сотрудников, логистика. Вечер пятницы, именуемый в народе «тяпницей», – посиделки в баре с друзьями до самой ночи. Выходные в бесконечной попытке выспаться. И новая рабочая неделя. Работать не ради того, чтобы жить, а жить ради того, чтобы работать. Всего один месяц в год он был предоставлен сам себе и мог прожить так, как хотел, без оглядки на деловое расписание. Не то чтобы Серега жаловался и его что-то не устраивало. Он жил лучше, чем многие его сверстники, да и жизнь у него была хоть и скучная, но стабильная. Не это ли люди ищут в сплошь меняющемся мире.

Все изменилось в одночасье, когда он согласился с семьей отправиться за город по грибы-ягоды. Мог ли он тогда подумать, как сильно изменится его жизнь. Да и в страшном сне предвидеть не мог. Прогулка закончилась провалом в другой мир, где он был никто и звать его никак. Где даже за право быть свободным

пришлось побороться.

Его путь в новом мире начался с тюремной камеры, где он и познакомился с Лехом Шустриком. Так уж получилось, что их судьбы намертво связало с первых же дней знакомства. Вместе они оказались в рабстве у князя Боркича, только разные роли примерили. Лех Шустрик был отправлен убирать навоз за домашним скотом. Сергею Одинцову выпала участь стать рабом-гладиатором. На арене его прозвали Волком. Вместе они бежали из подгорного мира в сопровождении отряда таких же, как они, рабов. На них устроили охоту. Много приключений выпало на их долю, пока они не оказались в столице княжества Вестлавт Краснограде, где завербовались в армию. Так Сергей Одинцов стал командиром Волчьего отряда. Потом и оглянуться не успел, как оказался на полях сражений. Так же стремительно из простого десятника он возвысился до сотника. И теперь уже его головорезов называли Волчьей сотней, а с ним советовались воеводы.

Казалось, мир простого торговца и сотника Волка отделяли тысячи километров и литры пролитой крови, а на деле всего-то каких-то полгода. Только вот в эти полгода помещалась целая человеческая жизнь.

Серега тряхнул головой, прогоняя воспоминания.

Кожаные штаны и куртка были скрыты металлическим доспехом, нагрудную пластину которого украшала оскаленная пасть волка, работа червийских кузнецов. Червия – маленькая деревушка в окрестностях замка Дерри, за взятие которого Одинцов получил звание сотника и право на собственный стяг. На плечи Сергей накинул теплый, подбитый мехом плащ. Голову укрыл шлем. Прицепив к поясу меч, он откинул полог палатки и вышагнул на улицу.

Лагерь еще спал. Только чуть в отдалении у коновязи ржали встревоженные кони и виднелись суесящиеся воины, готовящиеся к выезду.

Серега направился к ним.

По-хорошему надо бы разбудить трех оставшихся сотников, поделиться с ними развединформацией и выработать совместные действия. Только вот делать этого совсем не хотелось. Привычнее самому все разузнать, а уж затем навязать свою тактику и врагам и союзникам.

Возле коновязи Одинцова поджидал Лех Шустрик в компании десятников Черноуса и Дорина.

Получив под свое начало целую сотню, Серега в первое время пребывал в полном оцепенении. Что ему делать с этой прорвой народа? Как он может рассчитывать на точность исполнения своих приказов, если он даже не знает всех этих солдат. Но решение пришло тут же. Во главе десятков он поставил проверенных людей из Волчьего отряда. Каждому своему бойцу он доверял. Не раз приходилось сражаться с ними бок о бок. Так что если он может доверять десятникам, то те из кожи вон вылезут, но установят среди вверенных им людей строжайшую дисциплину. И только таким образом Волчий отряд смог стать знаменитой на весь Вестлавт и Боркич Волчьей сотней.

Лех Шустрик предложил, а Дорин его поддержал. И вскоре доспехи бойцов его сотни украсили волчьи морды, а на походном марше рядом с командиром ехал знаменосец с черным стягом, в центре которого красовалась волчья оскаленная пасть. Очень скоро весть о доблестных победах Волчьей сотни разлетелась среди друзей и врагов. Поговаривали, что командиром у них демон, непобедимый и бессмертный. Кто распространяет эти нелепые слухи, Одинцов не знал, но догадывался, что к этому Лех Шустрик руку приложил. По части пропаганды он оказался непревзойденным мастером. Солдаты мечтали попасть в его сотню, а враги молили богов, чтобы они развели их на бранном поле с Волчьими бойцами по разные стороны.

И это всего за пару месяцев, что он провел в звании сотника. Внушительный результат.

– Разумно ли ехать таким малым числом? Может, взять еще пару десятков. А лучше всю сотню поднять, – встретил Дорин командира предложением.

– Ты старый перестраховщик. Комара увидишь, будешь по нему из пушки палить? Мы не знаем, откуда появились боркичи и сколько их. Разведка донесла – кот заплакал. Зачем по такому пустяку народ зря тревожить. А вот выяснить, что они тут забыли, надобно. Не станут же они под боком врага просто так ползать, – ответил ему Одинцов.

– Давно мы боркичей не щипали, – мечтательно заявил Черноус, запрыгивая в седло.

– И то правда, – согласился с ним Дорин.

После битвы за замок Дерри, вестлавтское войско взяло еще несколько замков вассалов князя Боркича, пару раз встречалось в кровопролитных сражениях с полками регулярной армии княжества, но до решительного сражения так дело и не дошло. Народ роптал. Шептались по углам, что такой крохотный медвежий угол, коим было княжество Боркич, вот уже второй месяц завоевать не могут. Чего уж и на более сытый кусок пасть разевать.

Одинцов считал, что они давно бы захватили княжество Боркич, если бы на него не позарились бароны Верчер и Каптинус, воодушевленные победами Вестлавта. Болеслав Боркич оказался хитрым лисом. Он умело стравливал завоевателей между собой, заставляя их воевать друг с другом. Тем самым он сохранял свою армию в состоянии боевой готовности. Надеялся, что из трех врагов уцелеет один, и тогда уцелевшего, изрядно ослабленного завоевателя ему не составит труда раздавить, словно гнусную вошь. Его не волновало, что из-за затянувшейся войны плодородные поля и богатые дичью леса скуднели, что крестьяне бросали свои хозяйства и бежали в соседние государства в поисках лучшей доли. Наступит мир и все вернется к прежнему укладу. А беглецов в случае поимки ждала виселица.

Сергея видел длинную лесную дорогу, по обе стороны которой висели трупы. Несколько десятков покойников разной степени сохранности: от свежака до почти обглоданного птицами скелета. Жуткое, надо сказать, зрелище.

– Лех, останешься в лагере, – приказал Одинцов, оказавшись в седле, – если мы не вернемся к утру, поднимай тревогу.

Шустрик скорчил недовольную физиономию. Он уже собирался прыгать в седло и ехать с ними, а тут такая несправедливость. Оставляют на хозяйстве. Но война даже бродягу вора приучает к дисциплине.

– Будет сделано, – кивнул Шустрик.

– Тронулись, – приказал Одинцов, первым выезжая с территории лагеря.

За ним последовали два десятка солдат, стараясь сильно не шуметь, чтобы не разбудить весь лагерь.

* * *

Вражеский разъезд был замечен возле деревни Ульцы, небольшого поселения в двадцать домов на окраине густого Норанского леса. Раньше здесь жили охотники и медоводы, так в княжестве Боркичей называли бортников. Леса изобиловали дичью, в особенности часто попадался пушной зверь, поэтому на окрестных ярмарках ульские меха закупали даже торговцы из соседних баронств и княжеств. Брали, понятное дело, за мелочь, а продавали по звонкой цене. Но этих денег хватало, чтобы жить в достатке всем двадцати дворам. Солидный доход приносил также мед, а в особенности медовуха папаши Шмыря.

Все изменилось с началом войны. Находящаяся далеко от границы с Вестлавтом деревня долгое время сохраняла спокойствие. Видно считала, что война до них не докатится. Однако уже вскоре на горизонте загромыхали пушки, по разбитым осенней непогодицей дорогам в столицу потекли беженцы. Многие из них не могли не заглянуть на теплый огонек в Ульцы, где часто бедолаг привечали, поили отварами, кормили сытно и провожали в путь.

Только вот с каждым таким беглецом в деревне нарастала паника. И вскоре один за другим хозяева дворов стали собирать телеги в дорогу. Загружали под завязку нехитрым скарбом. Резали домашний скот, чтобы не достался врагу. Мясо солили, часть взяли с собой, а часть закопали, в надежде вернуться.

Хуже всех пришлось бортникам. Оставить пасеку – бросить дело всей жизни. Кто на такое готов пойти? А взять с собой улья невозможно. Пчелкам не понравится долгий переезд, да и на телегах всем места не хватит. Вот только выхода у медоводов другого не было. Либо гибнуть под копытами вражеских коней, либо бросать любимое дело и бежать. Они выбрали жизнь и скитание. Все. Кроме бортника Никодима и кузнеца Микулы. Вдвоем они решили бросить вызов судьбе и остаться.

Эту историю Сергей Одинцов слышал несколько раз. Лех Шустрик первым рассказал ее, когда Волчья сотня вошла в деревню, проехала по центральной улице, наблюдая брошенные, мертвые с заколоченными ставнями дома, и встала на постой в полукилометре от поселения. Правда сперва он отправился в

деревню вместе с десятком Вихря на разведку. Мало ли там враг незамеченный спрятался и собирается ударить в спину.

Второй раз эту историю Серега услышал от кузнеца Микулы, оказавшегося, в сущности, отличным мужиком. Сперва он боялся завоевателей. Во время разведки Леха Шустрика только страх удержал его от выстрела в спину из самопального ружья, которое сам придумал и собрал у себя в кузне. Боялся, что оружие не сработает, а времени на доработку у него не останется. Зарубят враги, не задумываясь.

Когда же он увидел, что завоеватели не собираются жечь деревню, да и выглядят не как звери дикие, а как обычные люди, к тому же нрава пусть и сурового, но справедливого (первым они нашли медовода и не тронули его), решил выглянуть из укрытия и пойти на контакт. Попался он на глаза самому Леху Шустрику. Другой бы на месте Шустрика выслушал запуганного мужика да зарубил, или отпустил бы с миром, в зависимости от настроения. Но Лех знал, что командиру Волку будет интересно услышать историю кузнеца.

Поговорив с Одинцовым, кузнец Микула расщедрился и показал ему схрон папаши Шмыря, в котором хранился годовой запас медовухи. Два дня Волчья сотня с разрешения командира гуляла, отдыхала и телом и душой. Только дозорные посменно сторожили лагерь.

Серега сперва задавался вопросом: откуда такая щедрость к завоевателям? Потом понял. Истина была проста, как полет стрелы. Крестьяне народ мирный. Их забота – пахать, сеять, охотиться, растить. Кто же владеет их землей – не так важно, если новый владелец к ним относится по-человечески.

Волчья сотня продолжила путь и оставила позади себя деревню Ульцы. Одинцов и не думал, что когда-нибудь им придется вернуться сюда.

* * *

Несколько часов кавалькада всадников неслась по припорошенной снегом дороге. Менялись пейзажи вокруг: бесконечные, казалось, белые поля вдруг уступили место густому еловому лесу, который неожиданно полез с равнины в гору. Вскоре пришлось сбавить скорость, а затем и вовсе перейти на шаг.

Сергея приблизил к себе одного из вернувшихся назад разведчиков. Имени его он не знал, в сотне все называли паренька Крушила. Вероятно, за высокий рост и соответствующие росту бронебойные габариты. Широкие плечи, мускулистое тело, бычья шея, кулаки размером с колоду, одним ударом насмерть. И при этом Крушила был отличным разведчиком, могущим незаметно в стан врага пробраться и выйти из захваченной неприятелем крепости невредимым. В таланте бойца Одинцов успел убедиться лично, за что и назначил паренька десятником особого разведывательного десятка. Получив звание, Крушила остался чрезмерно доволен назначением и пытался рьяной службой доказать, что бляху десятника ему за дело дали.

– Далеко еще? – спросил Серега.

– Так... Совсем чуть-чуть осталось. Вон за тем пригорком мои люди и прячутся, там надоть коняг оставить. Дальше пешком пойдем, – ответил Крушила, указав направление рукой в кольчужной перчатке.

– Добро, – согласился Серега. – Почему решил, что этот разъезд важен? Мало ли вражеских отрядов по лесам рыщет, в партизанщину ударились.

– Так... Командир, с ними же магик был. Я вот и подумал, с чего это магик с боркическими солдатами по лесам бродит. Непорядок это как-то. Совсем странно. Можно было, конечно, попытаться захватить боркичей, только мало ли магик что учудит, да и с вами посоветоваться стоит. Так что оставил своих, назначил старшего да рванул назад в лагерь.

Прямо как в песне «Машины времени» поется: «Вот, новый поворот». Почему ему никто не сказал о магике, подвязавшемся к вражескому отряду. Тут и правда много странного. Магики торговцы технологической отрыжкой, так их прозвал Серега.

Они продают нены, технологические изобретения, которым не место в средневековых декорациях. Револьверы, бинокли, динамо-машины, электрические бичи – сами по себе эти игрушки были чудом, проявлением магии, так думали местные, но подтолкнуть развитие лоскутных государств на путь промышленной революции не могли. За что и получили от Одинцова нелестное прозвище – отрыжка. С торговлей все понятно, осталось выяснить, что потребовалось магику в этих краях. И почему он вступил в союз с боркичами.

Магики всегда придерживались нейтралитета в войнах.

– Ты поступил правильно, Крушила. Сейчас мы во всем разберемся.

Перевалив через холм, Одинцов приказал всем спешиться. Взяв под уздцы коней, бойцы свернули с дороги и углубились в лес, следуя за идущим по одним ему ведомым ориентирам Крушилой. Стараясь ступать бесшумно, Серега оглядывался по сторонам, наблюдая за на удивление тихим безмятежным лесом, слегка припорошенным снегом.

Меж тем снегопад усиливался. Белые хлопья сыпались с неба, будто где-то там в вышине стая ангелов потрошила старые пуховые подушки. Такими темпами скоро поля и леса скроются под теплой снежной шубой и наступит настоящая зима. Интересно, она в этих краях суровая и трескучая, или только одно слово «зима», а на деле слякоть и грязь, как это было в последние годы в его родном мире.

За этими мыслями Серега не заметил, как они вошли в лагерь разведчиков. Возле деревьев мирно стояли кони и, казалось, дремали на ходу. При виде приближающегося начальства с земли вскочили трое бойцов и вытянулись, словно на параде на Красной площади.

– Кто за врагом глядит? – спросил Крушила.

– Равд, Джагой и Селезень, – тут же отозвался самый старший разведчик с некогда густой черной бородой, ныне изрядно полинявшей проседью.

– Добро, – кивнул Крушила.

Солдаты привязали коней к деревьям и выстроились возле командиров. Одинцов окинул взглядом свое маленькое войско и удовлетворенно хмыкнул.

– Веди нас. Посмотрим, что это за пташка в наши края залетела, – приказал он.

Разведчики залегли на опушке леса, с которой открывался великолепный вид на деревню Ульцы. Теперь дома не выглядели брошенными. Легкий дымок поднимался из трех печных труб на окраине поселка. Лаяли собаки, которым не

направились захватчики, обживающиеся на чужой территории. На крыльце избы, стоящей ближе всех к лесу, показался высокий человек, укутанный в теплый черный плащ, покрытый золотым шитьем. Только ладно сшитые сапоги выглядывали из-под плаща. Узоры на одежде что-то напоминали Сереге. Немного подумав, он решил, что они похожи на переплетение математических формул, записанных вычурным шрифтом с завитушками и украшениями. Голова человека была скрыта капюшоном, так что рассмотреть лицо было невозможно. Хотя Серега честно пытался в купленный у сотника Кринаша несколько недель назад бинокль. Одинцов разглядывал магика, но, кажется, магик почувствовал его присутствие. Он посмотрел на опушку леса, где укрылись волчьи солдаты.

– Что они там окопались? – спросил нервно Серега, отнимая бинокль от глаз.

– Кто их знает. Второй день как печки топят, может, решили отдохнуть с долгой дороги, – высказал предположение Крушила.

– Или на зимние квартиры встали, – выдал свою версию Дорин.

– Это вряд ли. Магик-то в таком случае им на какой ляд сдался? – возразил Черноус.

– С кузнецом или бортником на контакт выходили? – спросил Серега.

– Так... это... нет, решили не форсировать. Дождаться командира. А там уже как решит, – сказал Крушила.

– Понятно. На контакт выходить поздно. Будем деревню брать. А там уж и узнаем, что тут к чему. Слушаем диспозицию. Черноус заходит со своим десятком с юга. Я и Дорин с бойцами идем с севера. Входим в деревню одновременно по сигналу. К примеру, сигналом будет...

– Крик болотной ядвы, я ее, стерву, очень хорошо изображать умею. Да и Селезень это дело умеет. Он может с другим отрядом пойти, чтобы готовность подтвердить, – предложил Крушила.

– Добро, – согласился Серега. – Значит, так. Боркичей убиваем. Командира отряда и пару солдат взять живыми. Магика не трогать. Мне с ним нужно по

душам поговорить.

– Будет сделано, сотник. Не изволь беспокоиться, – кивнул Черноус. – Разреши выступать?

– С Богом, – перекрестился Серега.

Черноус с Дорином переглянулись, но не сказали ни слова.

Крик болотной ядвы пришлось ждать с полчаса. За это время Серега успел изрядно замерзнуть. Еще бы, столько железа на теле, а погоды нынче не теплые, да и шевелиться особо нельзя, чтобы не выдать свое местонахождение. Наконец, над деревней пронесся протяжный заунывный вой, словно где-то кого-то резали. Крушила приложил руки ко рту, придал ладоням форму лодочки и повторил крик.

Серега поднялся с земли, стряхнул с плаща прилипшие листья, вытащил меч и первым вышел из лесочка. Десяток Дорина и Крушилы последовали за ним.

Они шли к деревне скорым шагом, стараясь не бряцать железом и не издавать лишних звуков. Но их все равно заметили издалека. Парнишка в белой полотняной рубахе, расшитой красной нитью, выглянул из избы, и в этот момент солнце проклюнулось сквозь прореху в облаках. Луч света коснулся доспехов крадущихся воинов, отразился и ослепил парнишку. Он прикрыл глаза от солнца козырьком-ладонью и уставился за изгородь. Терять нечего. Сейчас он поднимет шум.

– В бой! – рявкнул Серега.

Тут же тренькнула тетива арбалета, и болт вошел в живот парня, пригвоздив его к бревенчатой стене. Он даже звука не издал, но глухой стук вколачиваемого в бревно болта привлек внимание солдат, засевших в избе. Двое выпрыгнули с обнаженными мечами и в полном боевом облачении на крыльцо в тот момент, когда Одинцов был уже в десятке шагов от них. Мигом сориентировавшись, они бросились на врага. Один перепрыгнул через перила и оказался лицом к лицу с Серегой. Меч просвистел и упал Одинцову на голову. Серега отразил удар и двинул бойца железной перчаткой в лицо. Враг отступил на несколько шагов и тут же получил клинок в живот. Захрипел, зашатался. Серега вырвал меч из

тела, и оно упало на землю. Мешок с костями.

Увидев кончину товарища, второй воин закричал:

– Враги! К бою!

И тут же меч Крушилы отсек ему голову.

Но его крик был услышан. Из отапливаемых домов один за другим во двор посыпались солдаты в разной степени готовности к битве. Здесь были бойцы, полностью экипированные, хоть сейчас в сечу, были и такие, что в одном исподнем с клинком наголо шли на врага.

В следующую минуту Сереге стало не до посторонних мыслей. Две враждующие волны сошлись на поле боя. Зазвенели мечи, заплясала смерть.

Одинцов рубил направо и налево, отражал удары и снова рубил, одним глазом отслеживая обстановку и ища повсюду магика, но его нигде не было видно. Дом, в котором он скрылся некоторое время назад, выглядел безжизненным. Из него никто не выходил, никто не входил. А что если магик уже успел смыться из деревни? Каким только образом? Телепортировался разве что. Сереге не было известно, владеют ли магики портативными телепортами, хотя эта технология была известна в этом мире. Только телепорты были закреплены за каким-то местом. К примеру, Лабиринт в подгорном гладиаторском доме или расставленные телепорты в потайном туннеле, ведущем в замок Дерри.

Неожиданно Серега почувствовал, что сражаться ему стало тяжелее. Раньше он легко парировал выпады противника, наносил удары, а тут словно провалился в тягучее болото, сковывающее его движения. Он сосредоточился на бое и тут же понял, что все дело в противнике. Перед ним работал мечом опытный отчаянный солдат. Позади него на подстраховку уже спешили двое ребят, явно не с дружественными намерениями. Если не поторопиться, то скоро станет совсем невыносимо.

Одинцов усилил натиск. Он рубился с отчаянностью последнего человека на земле. Клинок превратился в стальной вихрь, который, однако, никак не мог упокоить врага. Седоусый солдат бился со слепым отчаяньем, ловко парируя и отводя выпады Сереги в сторону. Одинцов почувствовал, как в нем просыпается

волк. Слепая ярость затопила разум. Глаза полыхали безумием. Возможно, это разглядел боркич и струхнул. Дрогнула рука старого рубщика, Серега ощутил слабинку и тут же ею воспользовался. Он рубанул сверху. Удар отразили. Меч Одинцова скользнул по клинку врага, но Серега не спешил его отводить в сторону. Вместо этого он резко рванул его вверх и засадил клинок боркичу под ребра. Седоусый испуганно взглянул на Одинцова и умер.

Одинцов вырвал клинок из тела и тут же атаковал не успевших на выручку солдат. Первого он убил сразу, вскрыв ему горло. Со вторым пришлось повозиться несколько минут, но по сравнению с седоусым он был просто неумеха. Серега нанес секущий удар по груди и тут же возвратным ударом рубанул по животу, словно знак «зорро» на теле оставил.

Мертвец упал ему под ноги. Серега отвел меч в сторону, готовясь к новой атаке, но ее не последовало. Тяжело дыша, он огляделся. Улица перед избами была завалена мертвыми телами в доспехах и без. Живых врагов не осталось. Только нигде не был виден черный плащ с золотыми узорами. Магик как сквозь землю провалился.

Одинцов нашел взглядом Черноуса и Дорина. Усталые, но довольные они улыбались, жадно вдыхая ртом холодный зимний воздух.

– Берите ребят и обыщите все дома. Мне нужен магик. Он был тут. Я сам его видел, – приказал Серега.

Дорин и Черноус тут же бросились выполнять приказание.

Одинцов обернулся. Позади него, прислонившись к крыльцу избы, стоял Крушила с опущенным к земле окровавленным мечом.

– Подсчитать потери, – распорядился Серега.

– Будет сделано, – тут же подобрался Крушила и засуетился, подзывая к себе всех стоящих на ногах волчьих солдат.

Потери были невелики. Трое мертвецов на два десятка, да пятеро раненых разной степени тяжести. У одного была сломана рука в районе кисти. Боркич в

горячке схватки постарался. Вражеская сторона полегла полностью, за исключением двух бойцов, которых удалось взять в плен живыми. Один из них оказался командиром отряда.

Молодцы, ребята, выполнили его приказ. Ради этого один из волков расстался с жизнью. Но зато теперь узнаем, что боркичи забыли в этих краях, да еще с таким козырем в рукаве.

– Командир, мы нашли магика! – показался на крыльце одной из изб Черноус.

Глава 2 Дознание

Он лежал на полу, прикрытый черным с золотым шитьем плащом, так что сразу было неясно, то ли человек лежит, то ли на мешок с мукой плащ набросили. Солдаты Черноуса в нерешительности топтались возле тела, боясь к нему приблизиться. Вдруг все-таки магик живой, залег в засаду и выжидает благоприятного момента для колдовства. Первым угодить под его волшебство никому не хотелось.

Сергея бросил беглый взгляд на тело, перевел его на солдат и усмехнулся в усы. Ну надо же какие доблестные вояки. Еще минуту назад рубились с врагом, забыв обо всем, а теперь стоят, поджав хвост, и ждут неприятностей то ли от мертвеца, то ли от куля с мукой.

Одинцов приблизился к телу, опустил на одно колено и решительно откинул плащ в сторону. Перед ним лежал мужчина лет сорока, неестественно бледный с обритой наголо и покрытой вязью татуировок головой. Остекленевшие черные глаза неподвижно смотрели в потолок. Сергей попытался нащупать пульс у него на горле, но он не прощупывался. Мертвее не бывает.

– Готов, – произнес он, поднимаясь с колен. – Кто его так?

– Когда мы вошли в дом, он уже был того... – нерешительно, оглядываясь на командира, произнес один из бойцов.

– Лежал вот так под плащом и не подавал признаков жизни, – закончил за солдата мысль Черноус.

– Плохо. Очень плохо. Мне он нужен был живым, – задумчиво произнес Одинцов, потрянул головой и решительно приказал: – Труп забираем с собой. У нас в сотне есть лекарь, надо бы осмотреть тело.

– Командир, а что лекарь может. Травки там, муравки. Настои разные. Это завсегда пожалуйста. Но труп осматривать, это как-то... богомерзко... – произнес Черноус, скривившись в презрении.

– Для дела нет ничего богомерзкого. Выполняйте мой приказ.

Черноус кивнул. Солдаты бросились к магику, сняли с него плащ, расстелили на полу, переложили на плащ тело, подняли импровизированные носилки и вынесли из избы.

– Нам нужно разговорить командира отряда. Что они тут забыли. Плохо, что магик мертв. Мы должны выяснить, почему он умер, – медленно, словно принимая какое-то решение, произнес Сергей.

– Как ты собираешься это выяснить? – спросил Черноус.

– Хочу разговорить мертвеца.

Десятник присвистнул от удивления. Такого заявления он не ожидал услышать. Нерешительно переступил с ноги на ногу, не ведая, что ему делать дальше. Одинцов заметил его колебания.

– Пленников допрашивать здесь будем. Кажется, Крушила у нас умеет развязывать языки. Позови его ко мне. Также найдите бортника и кузнеца. Если они еще живы, я хочу с ними поговорить.

Черноус кивнул и вышел за порог, оставив Одинцова в одиночестве.

Серега взял табурет, поставил его рядом с большим обеденным столом, снял с головы шлем, а с плеч плащ, отцепил от пояса меч и сложил все на стол. После

чего опустился на табурет.

«Сейчас бы кружечку забористого пива», – подумал он.

И зачем так рано отпустил Черноуса. Надо было его попросить привести бортника вместе с медовухой. Азарт штурма деревни улетучивался, наваливалась привычная скука. Кружечка ароматного меда сейчас бы не помешала.

На крыльце слышались глухие шаги и в избу вошел Крушила в сопровождении медовода Никодима и кузнеца Микулы. Они выглядели смущенными и растерянными, старательно отводили взгляд. С чего бы это? Не далее как неделю назад они привечали Волчью сотню и вели себя очень смело и открыто. Что изменилось с тех пор?

Серегу увидел, что Никодим держит в руках глиняный кувшин с медовухой. Кажется, будет и на их улице сегодня праздник.

– Крушила, будь добр, найди нам посуду, – попросил Серега.

Через минуту перед ним на столе появились три глиняные кружки.

– Разливай, Никодим, чего замер, словно истукан. Али гостям не рады? – хитро прищурившись, произнес Серега.

– Да как же не рады, батюшка спаситель. Мы всегда вам рады. Вы же нас от верной смерти спасли. Когда могли убить, не задумываясь. А тут жизнь даровали да имущество наше трогать не стали. Помнится, годов так десять назад, когда ваш князь и наш вздумали силенками померяться, нам деревню пришлось заново отстраивать, – засуетился Никодим, наполняя кружки медом.

Сесть им Серега не предложил. Во-первых, легкий дискомфорт при общении заставит их нервничать. Не забудут, что они на допросе, пускай и с кружкой меда в руке. Во-вторых, лишних скамей и табуреток в доме не наблюдалось. Видно, на дрова для печки пошли.

Одинцов поднес кружку ко рту и вдохнул аромат. Голову слегка повело от такого сказочного запаха. Он пригубил, насладился первым глотком, а потом, крикнув от удовольствия, опустошил кружку до середины.

– Рассказывайте, добры люди, откуда у вас появился этот отряд? Что надобно им было? Да почему они у вас на постой остановились? Странно как-то это все выглядит.

Никодим с Микулой переглянулись, не сговариваясь припали к кружкам, выпили их до доньшка и приступили к рассказу. Говорил в основном кузнец. То, о чем он забывал, подсказывал медовод, изредка перебивая старого товарища.

Из их рассказа складывалась следующая картина. Отряд боркичей появился в деревне два дня назад под вечер. Никодим как раз заканчивал поковку, надо было поправить подковы для старой клячи, единственной тягловой лошади на весь поселок. Отряд въехал в деревню бесшумно, так что кузнец ни о чем не знал, пока в кузню к нему не появились двое солдат, которые, не говоря ни слова, приложили ему по лицу пару раз, после чего отвели в одну из заброшенных изб. До начала войны там жила бабка Аграфена, старая травница. Избу занял командир отряда. Возле него непрестанно находился странный человек, облаченный в черный плащ с золотым шитьем. Лица своего он не показывал, но складывалось впечатление, что он главный в этом отряде. Командир назвал свое имя – Ишвар. Он долго расспрашивал кузнеца о вражеских войсках: видел ли он солдат Вестлавта, где они сейчас находятся. После допроса Никодима настал черед Микулы. Им пришлось рассказать, что большое войско в несколько сотен прошло мимо их деревни и ушло на юг. Несколько дней назад кузнец ходил на охоту, силки проверить и видел издалека лагерь Вестлавта. Значит, войско до сих пор на месте. Ждут, вероятно, чего-то. Командиру Ишвару новости понравились. Он улыбался, точно спелая тыква на празднике урожая. После чего приказал кузнецу и медоводу возвращаться к себе домой. Несколько дней они побудут в деревне, после чего съедут. До этого времени поселок запрещено покидать. Лучше вообще из дома носу не высовывать. Целее нос будет. На этом командир Ишвар их отпустил.

– Когда мы выходили, я... это... взгляд на странного человека бросил. Так вот... он склонился над командиром и что-то тихо ему говорил. Только ни слова слышно не было, только шипение какое-то, словно змеиное, – уточнил рассказ кузнеца медовод Никодим.

– Интересно, друзья мои, очень интересно, – задумчиво произнес Сергей.

Он призывно хлопнул пустой кружкой по столу, и мед овод поспешил ее наполнить.

– Чем они занимались, пока находились в деревне?

– Так ничем. По домам сидели, словно тараканы за печкой. Отогревались, что ли. Дома вот топить стали. Иногда этот в черном прогуливался вдоль околицы. Но большую часть дома просидел, – ответил кузнец.

– Что, по-вашему, они здесь делали? – поинтересовался Серега, делая большой глоток.

С медовухой пора заканчивать. Последняя кружка, а то, не ровен час, до обеда набубениться можно.

– Думаю я, ждали они кого-то или чего-то, – робко высказал предположение Микула.

– Точно ждали, – подтвердил жарко Никодим, точно ему эта мысль в голову не приходила, но только он ее услышал, как сразу почувствовал в этом соль и истину.

– После той ночи вам доводилось общаться с Ишваром? – спросил Серега.

– Так какой там. Он из дома и морды не казал. Только вот солдаты бегали, его приказы выполняли.

– Какие приказы? – насторожился Одинцов.

– Да кто его знает. То бывало куда-то в лес сходят, то по дороге на север уедут на полдня, – махнул рукой в сторону окна Микула.

– Любопытно. Никодим, а они знали, что у тебя медовуха есть? Небось все запасы испортили, гады? – спросил Серега.

– Знать-то знали, только вот ни разу бутылку не попросили. Косились в сторону моих запасов, но ни-ни.

– Боркичи всегда так ведут себя? Они что, не пьют совсем?

– Как же не пьют. Очень дюже любят это дело. Завсегда рады кружку пропустить, а тут всю дорогу такие серьезные, – всплеснул возмущенно руками Никодим.

Хорошо, что кувшин стоял на столе, а то сейчас бы разбил его вдребезги.

Одинцов больше не стал расспрашивать местных, вряд ли они знали что-то больше, чем сказали. Допив кружку до конца, он отпустил их по домам.

Отставив в сторону пустую посуду, Серега крепко задумался. Отряд на их рубежах появился неспроста. Явно они проводили разведывательные действия. Солдаты выходили за пределы деревни, могли отправить гонца и доложить обстановку на территории. Они точно кого-то ждали, только вот так до сих пор и не ясно кого. Хотя этот вопрос можно прояснить у командира Ишвара. Остается невыясненным только, что делал с ними магик, а главное, почему он умер. Ненасильственная смерть магика очень не нравилась Одинцову.

Серега заметил мнущегося в нерешительности на пороге Крушилу и кивнул ему.

– Найди мне десятников Черноуса и Дорина. И готовься к допросу пленных. Ты должен развязать им языки и узнать все, что они пытаются от нас скрыть.

Крушила молча исчез за дверь.

Одинцов закрыл глаза и несколько минут провел в спокойствии, пока не появились десятники. Они сразу возвестили о себе громкими бухающими шагами на крыльце и звоном железа.

Ввалившись в избу, первым заговорил с командиром Дорин.

– Что мы здесь делаем, Волк? В деревне больше нет врага, пора назад.

– Я так не считаю, – твердо заявил Сергей. – Мы должны все разузнать до конца. Эти ребята кого-то ждали. Надо только выяснить кого. Может, стоит остаться здесь да взять нового гостя за жабры. Вдруг это будет очень высокая шишка.

– А ты не думаешь, что боркичи пронюхали про то, что наши сотни встали тут на постой, да решили застать нас врасплох? Перебить сонными возле лагеря? Меньше врагов, меньше проблем? – спросил Черноус.

– Может, и так. Тогда святое дело – преподнести наглецам сюрприз. А может, тут что-то серьезное кроется. Мы обязаны это узнать. К тому же не забывайте про магигов. Они придерживаются мира со всеми, никому не помогают, а тут среди врагов. Почему? В любом случае скоро мы все узнаем. Крушила добудет информацию, и нам предстоит решить, что с ней делать.

Одинцов умолк и обвел взглядом суровые, серьезные лица десятников. Прониклись положением. Это хорошо. Успех их операции зависит от быстроты действий. И никаких сомнений.

* * *

Командир Ишвар, несмотря на лицо в кровоподтеках и безвольно свисающую правую руку, выглядел очень мужественно. Он не боялся захватчиков и гордо смотрел им в глаза. Сломать такого будет очень сложно. Они столкнулись с борцом, не привыкшим проигрывать. Серега это понял сразу, как только двое солдат ввели пленного с завязанными за спиной руками в избу.

Он был в одном исподнем с босыми ногами. Красный от холода нос, трясущиеся губы. Замерзший, но непокоренный. Таким предстал командир вражеских разведчиков перед Одинцовым.

Его заботливо посадили на стул со спинкой и крепко привязали, после чего солдаты поспешили покинуть избу. Тот спектакль, который здесь должен был разыгаться, вряд ли мог им понравиться.

Меж тем Крушила готовился к своему сольному выступлению. Он принес со двора кожаную сумку с различными ножами и иглами, выглядевшими зловеще, и разложил на столе. Ишвар увидел арсенал палача и заметно побледнел, но не

проронил и слова. Рядом с холодным железом оказались несколько пузырьков с мутными жидкостями, и пара металлических стаканов. Похоже, Крушила знал свое дело.

– Уважаемый, – обратился к Ишвару Одинцов, – вам очень не повезло. Вы оказались ни в то время и ни в том месте. Возможно, попадись вы в руки кому-нибудь другому, у вас остался бы шанс умереть молча, не выдав своих. Но вы в руках командира Волчьей сотни. Слышали обо мне?

Судя по скривившейся физиономии Ишвара, он был наслышан.

– Так что мы в любом случае вытянем из вас всю информацию. Лучше уж если вы по-доброму нам все расскажете. Вопросов всего два. Кого вы здесь ждете? И зачем с вами магик?

Ишвар гневно сверкнул глазами и не сказал ни слова. Только крепко стиснул зубы, словно готовился перекусить путы, сковывавшие его. Жаль только – не дотянется.

– Что ж, вы выбрали свой путь. Я умываю руки. Приступай, – приказал Сергей.

Для цивилизованного человека из родного мира Одинцова то, что происходило дальше в комнате, выглядело бесчеловечно и ужасно, но не для Волка, командира Волчьей сотни. Он давно уже привык к тому, что мораль и жизненные правила прежнего мира были неприменимы в новом. С ними нельзя было выжить. Если же хочешь вызнать секретную информацию от врага, то лучший способ передать его в руки палача. В конце концов, это может спасти не один десяток жизней.

Ишвара пилили и резали, загоняли под ногти иголки и прижигали каленым железом. Он кричал, рычал и стонал, потел и несколько раз обделался, отчего в комнате стало нечем дышать.

Одинцова замутило, и он вышел на крыльцо, оставив Крушилу заниматься своим ремеслом. Главное – это результат, а наблюдать за зрелищем в жанре «Пила—1-2-3» его совсем не прельщало.

Морозный воздух миготом отрезвил, прогнал дурноту. Вцепившись в перила, Серега наблюдал за тем, как солдаты убирают с деревенской улицы трупы. Местом для складирования мертвецов избрали один из брошенных домов с заколоченными ставнями. Боркичи на него не польстились, а волчьи солдаты взломали замок на дверях и превратили дом в могильник.

Серега шумно вдохнул холодный воздух, отер горячий лоб ладонью и решил прогуляться. Пока Крушила трудится, появилось время взглянуть на мертвого магика да и просто проветриться, изгнать от себя тяжелый дух.

Одинцов поймал бегущего мимо солдата за рукав, остановил и спросил, куда отнесли тело в черном плаще. Боец вытянулся, смело глянул в глаза командиру и махнул рукой в сторону третьей справа избы.

– Тама.

Сереге эта смелость понравилась. Надоело, что тебя воспринимают как какой-то объект для поклонения, небожителя тоже мне нашли. Волчью сотню в первую очередь куют солдаты, которые в ней служат.

– Как зовут?

– Якуб, – расплылся в довольной улыбке солдат.

– Молодец, – хлопнул его по плечу Серега и пошел дальше.

Поднявшись на крыльцо избы, Одинцов некоторое время постоял в нерешительности, даже оглянулся на залитый осенним солнцем двор, после чего решительно толкнул дверь и шагнул внутрь.

В избе было темно. Не так, чтобы ничего не видно, как в народе говорят «хоть глаз выколи», а сумеречно. Стоило глазам привыкнуть, как Сергей стал различать очертания предметов. Но чтобы разглядеть тело, этого недостаточно. Он подошел к плотным ставням и распахнул их, впуская солнечный свет в дом.

Мертвец лежал на полу, прикрытый черным плащом, Одинцов взял табурет, поставил его рядом с телом, сел и только после этого сдернул плащ. Магик был

одет в черную полотняную рубаху, поверх которой красовался черный кожаный жилет с металлическими заклепками. На ногах черные штаны, подпоясанные ремнем, и сапоги с голенищем-гармошкой. Оружия возле тела Сергей не обнаружил. То ли его изначально не было, то ли солдаты успели помародерствовать.

Сергей склонился над трупом, внимательно его осмотрел, пытаясь понять, от чего умер магик. Оттолкнув табурет в сторону, он встал и перевернул тело на живот. Ни с той, ни с другой стороны следов насильственной смерти не было. Никто его не заколол, не зарубил. Могли отравить, но в избе, где его нашли, не было кувшина с жидкостью, да даже кружек не было. Крушила в соседнюю избу бегал.

Сергея вернул мертвеца на спину, тщательно его обыскал и ничего не нашел, кроме золотого браслета в виде изгибающегося дракона. Он стянул его с руки и надел себе. Мертвецу все равно без надобности.

Веки магика внезапно дрогнули, и он открыл глаза.

Громко чертыхнувшись, Серега отскочил в сторону, а его сердце замолотило с устрашающей силой в тамтамы. Но мертвец больше не шевелился. Он безучастно смотрел остановившимся взглядом в потолок. Кажется, это просто остаточное сокращение, а не зомби – хоррор наяву.

Больше Серега к телу не приближался. Неожиданно проснулась старая боязнь мертвечины. Столько времени не шевелилась, а тут настойчиво постучалась в душу. Сейчас бы выпить кружечку совсем не помешало.

Интересно все же, как умер магик.

«Может, он просто приказал остановиться сердцу, и то его послушалось», – подумал Сергей, не зная в тот момент, до какой степени он был прав.

Покойника он решил больше не беспокоить. Пусть так лежит. Бочком он выбрался из дома, спустился по лесенке и направился в обратный путь. Надо узнать, как там дела у Крушил. Может, уже нашел что полезное.

По пути он встретил Дорина. Тот было направился к нему, хотел о чем-то поговорить, но Одинцов отрицательно помотал головой.

– Не сейчас, занят, попозже пообщаемся, – бросил он.

Войдя в избу, Серега увидел усталого Крушилу, сидящего возле стены на скамье. С закатанными по локоть рукавами и заляпанными кровью руками он отдыхал с закрытыми глазами после тяжких трудов. Судя по блестящему от пота лицу, пытки дались ему нелегко.

Ишвар сидел неподвижно на стуле с опущенной на грудь головой. Казалось, он не дышит, но, приглядевшись, Одинцов увидел, что это не так. Возле стула лежала пустая бутылка из-под какого-то снадобья.

– Что, получилось? – спросил Серега.

Крушила вздрогнул, открыл глаза и, увидев командира, попытался вскочить, но при этом сильно треснулся об навесную полку с глиняной посудой. Она посыпалась на пол и с грохотом стала биться.

Ишвар вздрогнул, но голову не поднял.

– Поаккуратней с казенным имуществом, – укоризненно произнес Сергей.

Крушила болезненно поморщился, но промолчал.

– Так что удалось узнать?

– Пока ничего. Но сейчас он все расскажет, не извольте беспокоиться. Я напоил его правдолюбом. После этого напитка смолчать он не сможет, – заверил Одинцова Крушила.

Серега вытаращился на него, словно кроманьонец на бензиновую зажигалку.

– Так чего ты сразу не опоил своим пойлом колдовским? Зачем нужна была вся эта кровь? – возмутился Одинцов.

– Потому что для исповеди душу подготовить надо через тело. Если не сломать тело, то он смог бы и дальше правду укрывать.

– Чтоб тебя, – выругался Серега. – Долго еще ждать осталось?

– Да вот уже должен очнуться. Сейчас я его расшевелю.

Крушила приблизился к Ишвару и ударил наотмашь по лицу. Боркич дернулся, поднял голову и открыл глаза. Они были мутными, с расширенными зрачками. Он дико озирался по сторонам, словно видел избу и мучителей в первый раз. Попробовал встать, но тут обнаружил, что привязан, и неожиданно успокоился.

– Ты слышишь меня? – спросил Крушила, поднимая кровавое лицо Ишвара за подбородок, так чтобы посмотреть ему в глаза.

– Я тебя слышу, – глухим, словно идущим из-под земли голосом ответил боркич.

– Ты готов честно отвечать на вопросы?

– Готов.

Крушила обернулся к командиру.

Теперь настал его черед расспросить пленника.

Одинцов подхватил табурет, поставил его напротив Ишвара и сел, так чтобы видеть кровавую маску смерти, в которую превратилось его лицо.

– Зачем вы приехали сюда?

– Нам приказали.

– Кто отдал приказ?

– Сотник Ярин. Он сказал, чтобы мы выдвигались на окраину Норанского леса, разведали местность и остались дожидаться...

– Кого дожидаться? – спросил Серега.

– Подхода сотни Ярина. Воевода Зарецкий отправил моего командира на охоту. Мы должны были первыми достичь указанного места, после чего сообщить есть дичь или нет.

Одинцов ничего не понимал. Какая дичь, какая охота? Что все это могло значить?

Постепенно из сказанного Ишваром проявилась целостная картина. Откуда-то, по всей видимости, к этому приложили руку магики, боркичам стало известно, что Волчья сотня во главе со своим командиром стоит лагерем в Норанских лесах. Князь Болеслав Боркич объявил сотника Волка своим личным врагом и приказал его во что бы то ни стало уничтожить. Неожиданно магики предложили свою помощь. Удостоверившись, что сотник Волк находится в этих лесах, Ишвар должен был отправить срочное послание сотнику Ярину. После его получения сотня Ярина незамедлительно должна была выступить к точке встречи. Прямых боестолкновений с армией Вестлавта не планировалось. В сотне Ярина ехали профессиональные убийцы, которые должны были проникнуть в Волчий лагерь и убить Волка. После чего отступить. Если операция прошла бы успешно, то к сотне Ярина подошли бы основные силы воеводы Зарецкого, и тогда они атаковали бы войско Вестлавта.

Ишвар закончил говорить, а Серега продолжал неподвижно сидеть напротив него, осмысливая услышанное. Нет, это, конечно, приятно, что тебя до дрожи в коленках боится местный князь, хотя Одинцов никак не мог понять, с чего бы это. Таких удачливых командиров в Вестлавтской армии много. Почему именно он? Но что самое любопытное, почему магики вдруг решили нарушить равновесие и поддержать одну из воюющих сторон. Чем он так опасен для мажиков?

Ответов не было.

– Что с ним делать, командир? – нарушил молчание Крушила.

Серега встал, сгреб со стола свою амуницию и молча направился к двери. На пороге он обернулся и сказал:

– Избавь его от мучений.

Глава 3 Бой

Кони пряли ушами и пофыркивали, тревожно переступали с ноги на ногу. Стоять на одном месте не вмоготу, поскорей бы в бой, в лютую сечу. Они откуда-то знали, что их ждет впереди. Одно слово – боевые кони, прошедшие через множество сражений. Тело напряжено, каждый мускул на взводе в ожидании приказа. Готовность с места в карьер.

Сергеа сидел в седле, напряженно вглядываясь за околицу деревни, на руку намотаны поводья. Можно было воспользоваться биноклем, чтобы разглядеть приближающихся врагов, только в вечерней темноте бинокль не поможет. Позади него застыли в седлах четыре десятка волчьих солдат – ударный кулак одинцовской армии. Десятники Вихрь, Бобер, Лодий и Крушила держались рядом с командиром, ничем не выдавая тревогу и нетерпение.

Большинство десятников сочли план сотника авантюрным, к тому же идущим вразрез с приказом воеводы Глухаря, который наказал не покидать расположение лагеря до своего возвращения. Куда он уехал и зачем, даже Сергее не было известно. Однако десятники безоговорочно поддержали командира. Волк всегда поступал по-своему, часто нарушал приказы, только всегда выходил победителем и доказывал свою правоту высокими результатами. Одно взятие замка Дерри и сражение с кабаньеголовыми рыцарями при Тусклых холмах о многом говорило. Жаль только сотники Кринаш, Ругвольд и Сабутай отказались поддержать Волка, правда пообещав в крайнем случае прийти на помощь. Такой ответ немало разозлил Одинцова. Ну да бог им судья. Настанет час расплаты.

Сергеа разделил свою сотню на четыре не равные части. Сам возглавил кулак из четырех десятков, который оставил в расположении деревни. Укрыться всадникам среди изб и облетевших садов оказалось не так уж просто. Куда ни встань, отовсюду как на ладони. Одинцов злился, пробовал варианты, но его все не устраивало. Выход подсказал кузнец Микула, отворивший двери общинной конюшни, куда волчьи солдаты набились, словно рыба в садок. Место удачное, проглядывался каждый сантиметр на подступах к деревне. С другой стороны,

если кузнец окажется засланным казачком, то в этой конюшне их разом можно прихлопнуть. Двери заложить да подпалить строение со всех концов. Только Серега Микуле верил. Мужик железный, правильных взглядов на жизнь, не подведет.

На совещании десятников день назад, где определялась стратегия грядущего боя, Одинцов предложил заманить врагов в деревню, а уж на тесных улочках уполовинить гостей из арбалетов с крыш, а затем точечными ударами добить оставшихся. Тех же, кто попытается бежать, сомнет конница. План казался идеальным, только вот Черноус его сразу разметал в пух и прах, заявив, что боркичи не дураки и в деревню не сунутся. Нужда заставит, разобьют лагерь на околице, а в деревне всем тесновато будет. Если же они заподозрят неладное, то атакуют зажигательными стрелами деревню издалека. Деревянные избы вспыхнут за милую душу. А пока волчьи солдаты собьются в боевое построение, добрая половина останется лежать на земле.

Серега вынужден был согласиться с Черноусом. Совещание затянулось до глубокой ночи, но ловушка была выстроена, осталось только дожидаться добычу и захлопнуть капкан.

И вот несколько часов назад разведчики, ворвавшиеся в деревню, принесли весть. Армия сотника Ярина на подходе. У волчьих солдат осталось время выдвинуться на позиции и встать в засаду.

Серега не сомневался в победе. Он не знал, откуда пришло это чувство, но оно наплатило его спокойствием и решительностью.

Вот показались первые тени вдалеке на дороге. Одинцов не мог разобрать подробностей. Сквозь приоткрытые двери конюшни лился лунный свет. В крайних домах деревни мерцал в окнах трепещущий огонь лучин – иллюзия жизни. Враги должны поверить, что их тут ждут друзья.

Минуты текли медленно, словно медовая патока в бочку. Вражеская армия приближалась. Серега уже мог разобрать их построения. Первыми шли конные десятки. Приличное количество. Позади маршировала пехота с копьями в руках и щитами, прикрывавшими грудь. Осматривая накатывающий вал железа, Серега выискивал взглядом командира армии. Он скользил по доспехам и оружию, взгляду не за что зацепиться.

Наконец, он увидел сотника Ярина. Сомнений быть не могло, это он. Могучий богатырь, закованный в пластинчатый доспех, с огромным щитом, притороченным к седлу. На щите был изображен костер, на котором корчились грешники, над костром заливался смехом череп с горящими изнутри глазами. Жуткое зрелище. Голову рыцаря закрывал шлем, исполненный в виде смеющегося черепа. Подле сотника ехали пятеро рыцарей в тяжелых доспехах – личная охрана.

Сергеа поднял вверх правую руку, сжатую в кулак, приказывая приготовиться.

Враги приближались все ближе и ближе. Судя по расслабленной позе Черепа, они не ожидали подвоха, убежденные в собственной неуязвимости. Минуты наполнились вечностью. Казалось, время просто остановилось. Одинцов чувствовал, как окружающее пространство налилось грозой, готовой вот-вот разразиться смертоносным ливнем.

Враги пересекли линию смерти, намеченную Сергеем. Волк выхватил меч из ножен и пустил коня вскачь, ощущая спиной, как пришла в движение людская масса. Они вылетели из конюшни, словно сошедшая с снежных круч лавина. В считанные секунды оказались за пределами деревни и понеслись на врага, сохраняя холодное молчание.

Череп, похоже, почувствовал неладное. Дернул руку вверх, останавливая движение войска. Но даже природа играла за Волчью стаю. Луна спряталась, и в сгустившихся сумерках ему было не разглядеть, кто это приближается к ним. Минутное замешательство. И в воздух поднялась туча стрел, она обрушилась на головы боркичей, выкашивая солдат. Замешательство. Крики боли и ужаса, взметнувшиеся над дрогнувшими и смешавшимися рядами.

Луна выглянула сквозь тучи, и Череп увидел летящую на них железную волну, сверкавшую обнаженными мечами.

В этот момент Одинцов завыл по-волчьи, и его боевой клич подхватили волчьи солдаты. Жуткий утробный вой первым налетел на вражескую армию, окатил ее словно ледяной водой на морозе, выстужая сердца, сея страх и неуверенность.

Сергеа улыбнулся про себя. Идея с волчьим воем оказалась очень удачной. Лех Шустрик придумал. Хитрюга, довольный собой, скакал подле друга, выставив

перед собой меч.

В следующую секунду волчья стая врубилась во вражеские ряды. Серега закрутил мечом из стороны в сторону, рубя направо и налево. Удары отражались, где-то попадали в цель. Не было времени, чтобы оглянуться и посмотреть на результат своих трудов. Серега сеял смерть направо и налево, прорубая просеку в рядах врагов. Всадники мертвыми кулями падали на землю. Ржали кони, чувствуя запах крови. Оставшиеся без седоков лошади метались по бранному полю, создавая иллюзию хаоса. Одинцов крутился в седле, грозя протереть в нем дыру. Шарил взглядом по сторонам, искал Черепа, но его нигде не было видно, как и солдат его охраны. Струсил, гад, спрятался за спинами своих солдат.

Краем глаза Серега увидел, как Лех Шустрик пропустил удар. Меч врага тараном прошиб нагрудный доспех. Шустрик откинулся назад, натягивая поводья, поднимая коня на дыбы. Лошадь заржала и тут же получила удар копьём в грудь. Заблестели умирающие глаза животного, заваливающегося на бок. Шустрик забился в стремях, пытаясь выбраться, но не успел и оказался придавлен тушей лошади.

Серега не знал, жив ли друг, но одна мысль, что Лех мог умереть, привела его в состояние дикой ярости. Он превратился в сторукое чудовище и в каждой руке по добром клинку. Он не помнил момента, когда коня под ним убили. Он успел прыгнуть на снег и тут же подрубил подпругу седла врагу, сбрасывая его на землю. Оглядевшись, Одинцов обнаружил, что всадников почти не осталось. Те из них, кто выжил, уже давно оказались на земле и рубились пешими. Повсюду, куда мог дотянуться взгляд, были горы мертвых тел.

Серега краем глаза уловил резкое движение позади себя. Развернулся и насадил солдата на меч. Тот нелепо взмахнул руками, выронив оружие. Позади него виднелись двое бойцов. Одинцов сблизился с умирающим, выдернул меч из раны, схватил его за плечи, резко развернул навстречу одному из врагов и толкнул мертвеца под ноги солдату. Одновременно с этим он нанес удар сверху. Перепрыгивая через собрата, боркич пропустил удар, прорубивший шлем и разваливший голову напополам.

Высвободив клинок, Серега встретил боковым ударом второго солдата. Не достиг цели, отразил выпад сверху и ударил ногой бойца в пах. Железная пластина защитила хозяйство боркича, но удар смутил его. Серега

воспользовался этой растерянностью и воткнул меч ему в живот.

Вокруг Одинцова образовалось свободное пространство. Рядом сражались друг с другом солдаты, но не находились желающие умирать от рук Волка. Минутная возможность передохнуть и оценить положение дел.

Внезапность принесла свои результаты. Много боркичей погибли, не успев даже выхватить мечи из ножен. Но теперь положение изменилось. И уже волчьих солдат теснили к деревне. Пора было вступать в бой засадным отрядам. Главное – только не опоздать.

Сергея увидел вдалеке от себя знакомое лицо. Солдат Якуб яростно сражался с наседавшими на него тремя бойцами. В глазах его плескалась ярость и веселье. Он упивался битвой. Крутился как волчок, отражая клинки, стремящиеся его ужалить, и нанося удары в ответ. Но враг подкрался со спины и воткнул железо в стык между краями доспеха. Якуб застыл в удивлении, обводя растерянным взглядом врагов, которые тут же воспользовались его замешательством. И уже по земле покатилась срубленная голова Якуба с обиженным выражением лица.

Сергея закричал зубами от злости, но ничем уже не мог помочь мальчишке. Это война. Каждый из них знает, на что идет. Он оглянулся на место падения Леха Шустрика. Туша лошади колыхалась, словно отбивала сердечный пульс земли. Сергей рванул к ней.

Шустрик был жив. Успевший выскользнуть из одного стремени, он прыгал с лошади, когда она упала на него. Ему придавило ноги, возможно что-то и поломало внутри. Во взгляде плескалась боль, разбавленная упоением битвой. Не говоря ни слова, Сергей воткнул меч в землю, нагнулся и попытался приподнять конскую тушу. Да сколько же весит эта животина? Кажется, после смерти она изрядно прибавила. Сергей скрипел зубами, но тянул тушу вверх, чтобы у Леха появился шанс выползти. Когда Шустрик оказался на свободе, он уронил тушу и схватился за меч, потому что к ним уже подбегали вражеские солдаты.

Где-то вдалеке запели боевые рога, заставляя петь душу Одинцова.

Сергея встретил противника обманным финтом, поднырнул ему под руку, оказался за спиной и с разворота рубанул по шее. Солдат по инерции пробежал

еще несколько шагов и упал лицом в землю. Нет возможности передохнуть. Со всех сторон на Сергея посыпались удары. Он только успевал отражать их, отступая шаг за шагом. Споткнулся обо что-то, покачнулся и стал заваливаться на спину. В опасной близости от лица пролетел клинок. Серега упал, откатился в сторону, что сделать в полном боевом облачении чертовски трудно. Оказавшись на ногах, Одинцов отразил удар, идущий ему в голову, и ответил в полную силу. Рука противника дрогнула, выпустив меч, и клинок Сереги впился ему в лицо.

Меж тем два десятка волчьих солдат под предводительством Черноуса вылетели из леса и ударили с правого бока по боркичам. В то время как Дорин с двумя другими десятками впился железными зубами в левый бок врага. Смешались боевые построения. Вражеские солдаты дрогнули, не устояли под натиском и отступили. Над полем боя пронесся протяжный победный волчий вой. Боркичи побежали, но в этот момент путь к отступлению оказался перекрыт. Два десятка воинов под командованием бывшего лесного разбойника Карима ударили им в спину. Противник оказался зажат меж зубьев жерновов. Машина пришла в движение в желании перемолоть человеческие жизни в труху и прах.

Одинцов молчаливо сражался с врагом, который уже и помыслить не мог о победе. Как бы жизнь свою уберечь. Серега кружился вокруг раненого Леха Шустрика, который не мог подняться на ноги. Пытался несколько раз, но от жуткой боли кричал и падал. Теперь, привалившись к туше мертвого коня, он выставил перед собой меч и время от времени вносил свои штрихи в картину сражения. То ноги солдату подрубит, то ткнет зазевавшегося бойца под панцирь.

Внезапно враги разошлись в стороны, освобождая коридор, по которому к Волку молча шагал сотник Череп в сопровождении верной охраны.

Серега опустил меч к земле, устало дыша. Все равно его никто больше не атаковал, видно, боркичи решили оставить самый лакомый кусочек своему командиру, который неумолимо приближался, чеканя шаг. Телохранители чуть отстали и вскоре остановились. Череп продолжил путь, поднимая тяжелый меч.

Одинцов перекрестился. Никогда нигде ему не требовалось так заступничество Всевышнего, как сейчас. Раньше, в прежней жизни, он не так уж и сильно верил. Его бабушка верила в Бога и приучила его к мысли, что есть где-то существо мудрое, создавшее все сущее и присматривающее за людьми. Поэтому не грехи,

внучек. В прежней жизни он даже церковь обходил стороной. Но, попав сюда, Серега на своей шкуре ощутил чудо, так что тут было о чем задуматься. К тому же противник ему попался серьезный. Такого на испуг не возьмешь.

Череп остановился перед Одинцовым и смерил его равнодушным взглядом. В черных бездушных провалах глазниц шлема Серега увидел свою смерть. Это зрелище только разозлило его. Черта с два вы сегодня получите Одинцова! Не выгорит!

Волк резко прыгнул в сторону, нанося удар слева. Череп дернулся, отразил выпад. Клинки соприкоснулись с диким лязгом. Руки Сереги загудели от напряжения. Удар был сильным. С таким серьезным противником ему еще не доводилось встречаться. Одинцов отступил на несколько шагов, переводя дыхание, пытаясь сориентироваться. Череп не дал ему расслабиться. Он сократил расстояние и ударил.

Со стороны это, вероятно, выглядело эпической битвой. Два исполина сошлись на бранном поле.

Сотник Волк, чья слава поражала сердца врагов надежнее, чем каленая стрела, и прославленный сотник Ярин, известный всем как Череп, безжалостный, могучий. Великий боец. Две стихии сошлись в последней битве, пытаясь выяснить, кто из них достоин жизни. Пело железо, прославляя героев. Но жизнь вокруг них продолжалась, вернее с каждым новым взмахом меча она обрывалась. Сражение шло своим чередом. Волчьи солдаты рубились с боркичами, истребляя их. Ловушка захлопнулась, из нее никому не уйти. Противник это понял, поэтому сражался ожесточенно, дорого продавая свои жизни.

Никто не мог вырвать победу. Череп казался смертоносной машиной, наносящий удары то слева, то справа, то сверху, то снизу. Откуда в нем только силы берутся? Но и Одинцов не сдавался. Он не отступил ни на шаг, плотно стоял, словно пустил корни. Снег вокруг них таял, от жара, шедшего от разгоряченных тел. Серега оборонялся и атаковал, но ловил себя на мысли, что долго так он не продержится. Мысль эта была спокойная, будто добытая из ледяного капкана. Она не пугала его. Значит, остался еще шанс выстоять и одержать победу. Это добавляло новых сил. И откуда они только приходили?

Внезапно Серега почувствовал какое-то движение у себя за спиной. Неужели кто-то решил вмешаться в их поединок. Оставалось надеяться, что это не вражина с отравленным кинжалом подкрадывается для предательского удара. Одинцов попытался развернуться, чтобы увидеть, что происходит у него за спиной, в то же время не выпустить из виду Черепа, усилившего натиск.

Увиденное повергло его в шок. Со стороны деревни к ним приближался человек в черном балахоне с золотым шитьем и капюшоном, скрывающим лицо. Мертвые проснулись? Дохлый магик, чувствуя, что его союзники проигрывают, решил вмешаться? Быть такого не может. Но он видел это своими глазами. Может, это другой магик? Воспользовавшись хаосом сражения, он лесными тропами обогнул деревню, чтобы зайти волчьим солдатам со спины и ударить...

Череп яростно взревел, предчувствуя близкую победу. Всего на мгновение он потерял осторожность, раскрылся, и Серега воспользовался его оплошностью. Скользнул в просвет защиты и воткнул клинок в грудь Черепу. Послышался неприятный скрежет, но доспех боркича треснул, пропуская сквозь себя меч Сереги.

Одинцов зацепил краем глаза, как пришли в движение телохранители Черепа, бросаясь на помощь своему господину. Меч боркича уже летел ему в голову, Серега дернулся, ушел с траектории удара, выдернул свой клинок из тела противника и отразил удар. Закончить дело не удалось. Он так и не увидел, как жизнь покинула сотника Ярина. Телохранители мгновенно оттеснили его от поверженного командира, окружили тело кольцом и словно бы растворили в себе. После того как они отступили, на память от прошедшего поединка осталась только свежая кровь на тусклом снегу.

Одинцов оглянулся на Леха Шустрика. В горячке схватки он совсем о нем забыл. Только и противник не вспомнил о его существовании.

Шустрик сидел, привалившись к туше мертвой лошади, и с нескрываемой тревогой наблюдал за битвой. Заметив взгляд Сереги, Шустрик махнул рукой, показывая, что с ним все в порядке.

Серега посмотрел в сторону деревни. Магик медленно приближался к ним, и его намерения не отличались дружелюбностью. Сомнений в этом не было.

– Что будем делать, командир? – раздался позади голос Вихря.

Сергеа обернулся. Возле него стояло с десяток волчьих солдат, готовых прикрыть спину Волка, если потребуется.

– Посмотрим, что он хочет. Если вступит в бой, его надо убить.

Одинцов не оставлял надежду взять магика живым, чтобы как следует допросить.

Вихрь что-то сказал стоящему рядом солдату. Слов было не разобрать. Боец кивнул согласно и тут же исчез.

Сражение близилось к финалу. Оно перетекло к лесу, и было видно, что боркичам не выстоять. Они сбились в несколько кучек и пытались еще держать оборону, но надолго их не хватит. Слишком мало их осталось, да и боевой дух подорван. Сколько Серега ни пытался найти Черепа, у него не выходило. Даже его жутких телохранителей нигде не было видно. Скорее всего, сотника уже прикрыли и вывезли с поля брани. Сейчас в тыл княжества мчится отряд с раненым командиром, везя дурные новости для воеводы Зарецкого. Да и черт с ними. Главное, теперь остановить магика во что бы то ни стало.

Вот человек в черном приблизился к сражению. Он оказался в непосредственной близости от волчьих солдат, когда его силуэт размазался по ткани реальности. Так это выглядело со стороны. Был человек, а стало черное пятно, стремительно перемещающееся от человека к человеку. Там, где он проходил, падали замертво люди.

Одинцов бросил быстрый взгляд на Вихря. Он ничего не сказал, но одного его взгляда хватило, чтобы понять приказ. Вихрь поднес к губам командирский рожок, висящий у него на груди, и протрубил сигнал. Тут же в воздух поднялась туча стрел, опавшая на магика, но неожиданно стрелы изменили траекторию полета и попадали в снег, не долетев до цели. словно невидимая сила оттолкнула их от человека в черном. Магик остановился, вновь превращаясь в человека, и посмотрел в сторону Волка. Серега почувствовал на себе колющий взгляд, и его передернуло от отвращения. Да что же это за чертовщина творится.

Магик вновь пришел в движение. Только теперь волчьи солдаты расступались перед ним, как уходят от надвигающегося цунами жители континента в глубь территории. Больше никто не пытался его остановить. И Серега не осуждал их за это. Они столкнулись с явлением, не поддающимся объяснению, с силой, с которой пока не знали, как справиться. Хотя настанет день и час, когда Волк сможет сломать хребет магикам.

Может, поэтому они решили вмешаться в войну княжеств, почувствовав надвигающуюся смертельную опасность. Может, поэтому за его голову назначили цену. Хотят убить, значит, боятся. Эта мысль согрела Серегу.

Неожиданно для всех магик исчез. Вот он был, и вот его нет. Но сил на удивление не осталось.

Сражение закончилось. Осталось подсчитать потери, добить раненых врагов, прибрать с бранного поля трупы и предать их всеочистительному огню, как завещали предки.

Одинцов поймал себя на мысли, что думает, как один из местных, родившихся в этом мире. Усмехнувшись в усы, Серега направился к Леху Шустрику.

– Эй, ребята, ну-ка помогите мне. Срочно сообразите носилки.

Трое солдат пришли в движение, засуетились, и вскоре из связанных вместе плащей появились носилки, на которые они переложили Леха Шустрика. Между тем кто-то из бойцов раздобыл для командира коня, похоже, из конюшни боркичей. Серега запрыгнул в седло, обернулся, нашел взглядом Вихря и распорядился:

– Заканчивайте тут.

Процессия тронулась с места. Неспешно впереди всех ехал Сергей Одинцов. За ним следовали четверо солдат, несущих на плащах Леха Шустрика. Последний выглядел довольным жизнью. И ведь не скажешь, что еще какие-то полчаса назад он лежал под лошадью и прощался с белым светом. Вот же как судьба злодейка переменчива.

По прибытии в деревню Сергей распорядился, чтобы Леха разместили в его избе, и тут же отправил солдата за медоводом. Никодим не замедлил отозваться и пришел, неся кувшин хмельного меда. За что получил одобрителный взгляд Волка.

Штатный лекарь сотни еще не вернулся с поля боя, поэтому Серега доверил осмотр Шустрика медоводу, который еще в прошлый постой в деревне показал себя с лучшей знахарской стороны. Никодим сразу же сказал, что ноги сломаны в нескольких местах. Правда ради этой истины к лекарю ходить не надо, достаточно было видеть, как морщился от боли Лех при каждой встряске его носилок. Коняшка слишком тяжелой оказалась. Никодим вышел на улицу и вернулся с какими-то деревяшками, из которых соорудил два лубка, в них он поместил ноги Шустрика и надежно перевязал конструкцию.

Серега разлил мед по кружкам и протянул одну из них Леху.

– А мы им все-таки надрали задницу, – заявил довольный собой Шустрик.

– И не говори. Мы победили, – сказал Одинцов.

Только сейчас он почувствовал, насколько сильно устал.

– Надеюсь оно того стоило, – произнес Лех.

Серега хотел было возмутиться, но промолчал.

Он вспомнил, что с сотней Ярина в деревню должны были прибыть наемные убийцы по его душу. Интересно, они остались лежать на поле боя или, как и магику, им удалось скрыться.

Серега в несколько глотков осушил кружку. Он пил и не чувствовал вкуса хмельного меда, словно это вода вовсе. Когда показалось дно, он наполнил кружку из кувшина.

– Кто выиграет на этой войне?

– Ты о чем? – спросил его Шустрик настороженно.

– Мы сражаемся за Вестлавт. В чем суть этой войны. Два правителя делят территории, но после этой войны оба правителя будут обессилены. Погибнет множество людей. Много оружия придет в негодность. Боеприпасы закончатся. И когда улягутся сражения, по дорогам княжеств пойдут караваны магигов, и вновь начнут торговать разными ненами, технологической отрыжкой. Увеличатся продажи. Причем сильно увеличатся. И кто окажется в выигрыше? Эти самые таинственные магики. Им эта война очень выгодна.

Сергея уткнулся в кружку и не видел, каким серьезным, настороженным взглядом смотрел на него Лех Шустрик. Так смотрит на ограбленного вор, пойманный на месте преступления с поличным.

Глава 4 Лагерь

– Не могу поверить своим ушам и глазам! Сотник Волк, извольте объяснить мне, кто дал вам право покинуть расположение лагеря и участвовать в войсковой операции при деревни Ульцы? Это безрассудство! – неистовствовал воевода Глухарь.

Сергей Одинцов во главе Волчьей сотни вернулся в лагерь Вестлавта через несколько дней после сражения с боркичами. Бойцы только успели поставить палатки, как прибыл вестовой от воеводы и потребовал сотнику явиться в штаб. Оказалось, что воевода Глухарь вот уже два дня как вернулся в лагерь и лютует по-страшному.

– Разведка донесла... – попытался вставить хоть слово Сергей, но воевода тут же перебил его:

– И что разведка? Ради отряда боркичей вы сдернули с места целую сотню. Безрассудно и глупо.

– Мы узнали, что на подходе войско противника, и я принял решение расставить капкан, в который в итоге и угодила сотня Ярина.

В углу штабной палатки сидели сотники Кринаш, Ругвольд и Сабутай, и, судя по их довольному виду, спектакль пришелся им по душе.

– Мы приняли бой, который в итоге выиграли. Сотня Ярина разбита. Мало кто уцелел из врагов в той сече.

– Что могло потребоваться Ярину в этих местах? Почему он пришел столь малыми силами? Если он знал, что здесь стоит войско, то должен был привести куда больше народу, чтобы нас побить. Что за странная вылазка? – сбавил тон воевода, присаживаясь за штабной стол, на котором была разложена карта княжества Боркич.

– Не могу знать. Попытка разговорить пленных не принесла желаемого результата. Солдаты не знали, на что шли, а сотника Черепа не удалось захватить в плен, – тут же ответил Серега.

Он не знал, почему решил скрыть от воеводы информацию. Это решение пришло внезапно. И Одинцов подчинился своей интуиции. Пусть ломает голову старый хрыч, посмотрим, до чего ему удастся додуматься.

– Как вы знаете, положение дел на фронте оставляет желать лучшего. Из двенадцати городов-крепостей княжества нам удалось захватить пять. Мы бы давно присоединили эту землю к Вестлаву, если бы не вмешательство барона Верчера и барона Каптинуса. Проклятые стервятники решили поживиться за наш счет. Им удалось подчинить себе четыре города, практически вся южная часть княжества приняла их власть. Пока они действуют слаженно, но уверен, что в итоге они перегрызутся между собой, а сильнейшему достанется все. В любом случае южная часть, считайте, для нас потеряна. Князем принято решение не распылять силы, а сосредоточиться на Болеславе Боркиче.

Воевода Глухарь взял со стола колокольчик и погромел им. Тотчас на зов явился вестовой, на вид совсем мальчишка, даже усами не обзавелся, но всем своим видом он выражал, что понимает серьезность своего положения. Глаза блестели, словно две начищенные латунные пуговицы. Интересно, куда делся прежний порученец воеводы – Ключ.

– Налей вина, – приказал воевода.

Вестовой тотчас принес пару кружек и бутыль с вином. Наполнил кружку и протянул ее Глухарю.

– Значит, так. Вот что я вам скажу. Князь Боркич отчаянно не хочет сражения с нами, поэтому он отступил к столице. Надеется, что мы сцепимся с баронами-стервятниками и перегрызём друг другу глотки. Бароны уже и так потрепали наше войско, дав понять всю серьезность своих намерений, так что гадюшник мы трогать не будем. Но настала пора устроить князю Боркичу кровавую баню. Терпение наше иссякло.

Воевода припал к кружке с вином и на время умолк.

Сергей стоял напротив него и размышлял. По сути, он на чужой войне. Наемник, что с него взять. Он понимал, что у Вестлавта есть счета к Боркичу, но это не его счета. Хотя он подписал контракт и теперь должен идти до конца. К тому же князь Болеслав Боркич объявил его врагом номер один и попытался подослать убийц. Правда, убийцы так и растворились в сражении при деревне Ульцы. А были ли они вообще? Но волновали Сергея совсем не эти вопросы. Лоскутные государства часто воюют друг с другом. Земли переходят из рук в руки. Порой горожанин мог заснуть в одном государстве, а проснуться в другом. И такое положение дел вело к тому, что на политической карте мира нет сильного игрока. Нет государства, способного долго и стабильно существовать, диктуя свои законы окружающим. Нет стабильности и надежности. По сути, когда нет сильного, то все остальные одинаково слабы. Насколько Сергей уже мог понять, такое положение дел длилось не одно столетие. И это казалось Одинцову неестественным, словно кому-то выгодно держать местных князей по своим клеткам, чтобы не дай бог они не увидели, что двор большой, и не попытались его сделать своим. Кому это могло быть выгодным? Ответ напрашивался сам – магикам. Но почему? Зачем? Неужели только ради процветания торговли? В это как-то не особо верилось. Что-то тут было нечисто.

– Пора дать генеральное сражение! – внезапно провозгласил воевода Глухарь. – И мы готовы к этому. Войско Вестлавта после сражения у Тихих холмов разделилось на несколько частей по стратегическим соображениям. Теперь настала пора объединения. Через три дня мы выступаем. На Красных полях мы дадим генеральное сражение князю Боркичу. Там все решится. Готовьте сотни к походу. Все свободны. Сотник Волк, оставайтесь.

Кринаш, Ругвольд и Сабутай поднялись, поклонились одновременно, словно до этого долго репетировали, добиваясь синхронности, и покинули штабную палатку. Одинцов продолжил стоять, точно нашкодивший школьник в приемной у директора. Так нынче чествуют победителя.

– Этот сотник Череп не просто так тут оказался. Его очень любит князь Боркич, и если он отправил своего верного пса в эти края, значит, кто-то ему очень сильно насолил. И я догадываюсь кто. До меня дошли слухи, что князь по каким-то своим соображениям очень сильно невзлюбил сотника Волка. Говорят, что когда-то давно им уже доводилось встречаться. Так ли это? – искоса посмотрел на Серегу воевода.

– Не понимаю, к чему этот разговор, – откровенно сказал Одинцов. – Даже если мне и довелось раньше встречаться с князем, то на меня эта встреча не произвела неизгладимого впечатления, чтобы крепко осесть в памяти.

– Хорошо сказал, – ухмыльнулся воевода. – Вина хочешь?

– Не откажусь.

Глухарь наполнил кружку и протянул ее сотнику.

– После боя в твоей сотне образовались бреши. Сколько потерял людей?

– Двадцать три человека убитыми. Четырнадцать тяжело ранены. Им требуется покой. Даже санитарный караван может убить их. Остальные отделались легкими ранениями.

– Это плохо. Очень плохо и несвоевременно, – задумался воевода. – Несколько дней назад наши солдаты захватили вольный город Рибошлиц. Он лежит на пути к Красным полям. Заглянем на огонек к героям, там мы пополним твою сотню. Я пытался сохранить свежий резерв, но твое самоуправство испортило все планы. То, что ты сделал возле замка Дерри, тебе было прощено, поскольку ты принес нам на блюде замок. Но сейчас, несмотря на то что ты вышел победителем из сражения, это капля в море, которая, возможно, может испортить нам главный праздник.

Сергея отпил вина, размышляя над услышанным. Что-то неладно в датском королевстве, единственный вывод, который он мог сделать из всего этого. Пожалуй, служба в регулярной армии ему не по душе. Подчиняться командирам, которые все время темнят и занимаются интригами, прозванными по-научному стратегией, Одинцову не нравилось. В прежней жизни он был винтиком в огромной машине, но здесь он чувствовал свою уникальность и прозябать в армии совсем не хотел. Если уж воевать, то за свое княжество. Если уж командовать, то своей армией.

В этом мире все так нестабильно. Лоскутные государства все время лаются друг с другом, рвут одеяло на части. Быть может, удастся вырвать землю и для себя, а потом, чем черт не шутит, он сможет навести порядок и объединить княжества и баронства под свое начало. Идея звучала смело, даже чересчур нагло. Но некоторое время назад мысль, что он станет сотником и станет известен в нескольких государствах, выглядела абсурдной. Так что все в наших руках.

– Тяжелораненых придется оставить здесь. Подумай и позаботься об этом.

Сергей кивнул, допивая вино. По тону воеводы чувствовалось, что разговор окончен. Одинцов поставил пустую кружку на стол и, не прощаясь, вышел из палатки.

* * *

После выволочки, которую устроил воевода Глухарь, спать совсем не хотелось. Серега решил прогуляться по лагерю, голову освежить да подумать о наблевшем.

Вестлавтский лагерь засыпал. Повсюду горели костры, словно стая светлячков собралась на снежной поляне. Несли службу ночные дозорные. В полном боевом облачении с копьями наготове сторожили покой спящего лагеря. Одинцов задержался на холме, где в землю был вкопан стяг его сотни – черное полотнище с оскаленной волчьей мордой, развевающееся по ветру. Возле него неподвижно стоял караульный. Недавно он варился в котле сражения, а сейчас безмятежно наблюдал за спящим, покрытым легкой простыней снега полем. А на вид совсем мальчишка, лет восемнадцать, может, уже и стукнуло. При виде командира он вытянулся и заметно напрягся. Одинцов махнул рукой, отдавая команду «вольно». Дозорный расслабился, но все же старался не смотреть в

сторону командира.

Сергеа услышал тихие осторожные шаги позади себя, но не оглянулся, зная, что это кто-то из своих.

– Что, не спится, Волк? – спросил его сотник Кринаш.

Одинцов не ответил. Он помнил насмешливое выражение лица сотника, когда воевода распекал его.

– И ведь не скажешь, что в этих местах война идет, – задумчиво произнес Кринаш. – Мы не могли прийти к тебе на помощь. Ослушаться приказа воеводы нельзя. Тебе почему-то сходит с рук дерзость и самоуправство. Но вздумай кто из нас пойти против слова Глухаря, тотчас был бы разжалован в рядовые и тянул бы лямку в той же сотне, которой недавно командовал.

– Твои извинения приняты, – грубо сказал Серега.

– А я и не извинялся. С чего ты взял? – Кринаш удивленно хмыкнул. – Ты выскочка, ты чужак. Таких, как ты, не любят и вряд ли полюбят. Я тоже чужак. Родился в княжестве Гарим. В детстве я часто наблюдал, как на гладиаторском ринге люди сражаются с фартерами, бойцовыми псами. Я знаю, на что они способны. Убить их очень тяжело. Поэтому я сильно удивился, когда тебе удалось справиться в одиночку с двумя псами. Это заслуживает уважения. Но! Я начинал свой путь простым рядовым. Десять лет назад мне довелось сражаться против упаурыков...

Кринаш покосился на Одинцова. Серега хранил спокойствие, хотя вопросы роились в его голове. Кто такие эти упаурыки? Что происходило десять лет назад? Как не попасться на таких простых историях, которые, похоже, здесь знают даже необразованные мальчишки.

Кринаш словно почувствовал неуверенность Одинцова и решил просветить его.

– Десять лет назад с востока к границам княжеств пришла угроза. Великое ханство Упаурык двинуло свои войска на запад. Ни одно княжество или баронство в одиночку не могло справиться с армией упаурыков. Тогда князя

приняли решение объединить армии и отразить угрозу. Нам удалось выстоять. Даже ягарыки, элитная гвардия Востока, не смогла сломить наше сопротивление. Многие из солдат в нашей армии сражались тогда с восточными безумцами. А что делал в то время ты? По возрасту ты подходишь. Если ты где-то служил, то должен был попасть на ту войну. Если не служил, то чем занимался?

Одинцов криво усмехнулся, но предпочел промолчать.

– Никто о тебе ничего не знает, Волк. Поэтому ты никогда не станешь в нашей среде своим. Пока тебе сопутствует удача, ты на коне. Но если удача отвернется от тебя, ты окажешься под копытами, и жизнь растопчет тебя. Так что опасайся...

– Вот смотрю я на тебя, – оборвал откровения Кринаша Одинцов, – и думаю о том болоте, в котором вы все привыкли вязнуть. Ваша жизнь это сплошная война с трясинной. Вы так привыкли к ней, что когда появляется человек, способный бесстрашно ходить по болоту, очень ему удивляетесь, начинаете его ненавидеть и всеми силами пытаетесь спихнуть его в свою трясину, чтобы он не выделялся, был таким, как все. Тонуть вместе всегда приятнее, чем чувствовать чье-то превосходство. Так вот, хочу тебе доверительно сообщить...

Сергеа заговорщицки осмотрелся по сторонам и понизил голос до шепота:

– Скоро. Очень скоро окружающий мир изменится. Все уже не будет таким, как ты привык видеть. Те, кто тонул и не поймут всех изменений, утонут. Те же, кто вовремя почувствует, куда дует ветер, и попробует измениться, возможно, окажутся на коне. В древности было проклятие: «чтоб ты жил в эпоху перемен». А древние знали толк в проклятиях. Так вот эпоха перемен приближается, друг мой. И только ты можешь определить, по какую сторону баррикад хочешь оказаться. Советую об этом подумать. Потому что я не намерен тонуть в вашем болоте, а если потребует, я взорву его.

Одинцов развернулся, скользнул взглядом по задумавшемуся Кринашу и направился к себе.

В палатке было темно. Лишь только еле тлел огонь в походном очаге. Похоже, Лех Шустрик спал. По возвращении в лагерь Серега решил не расставаться с

другом, тем более в его шатре было где развернуться. Отдыхать совсем не хотелось. Сна ни в одном глазу. Где-то тут была припасена бутылочка красного вина, да и не одна, если не изменяет память. Серега забрался в сундук, куда складывал все барахло, копящееся с момента назначения его сотником. На самом дне он нашел несколько запечатанных бутылок.

– И мне достань, – слышался голос Шустрика. – Все равно ты громыхаешь, словно слон в посудной лавке. Тут никакого сна не будет.

– А ты ворчишь, как сварливая старуха, – ответил Серега, доставая вторую бутылку вина.

На столе он нашел две кружки. Из них уже явно пили до этого, и наполнил их вином. Одну протянул Шустрику, выглядывавшему из-под мехового одеяла, и расположился на соседнем ложе.

– Через пару дней выдвигаемся. Раненые останутся в лагере, – сообщил Одинцов.

– Ты это о чем? – с подозрением спросил Шустрик.

– Ты ходить не можешь. Поэтому тебе лучше остаться в санитарном лагере, – мрачно заметил Серега, делая добрый глоток вина.

– Одинец, ты меня не оставишь в гниющем лагере. Если надо, то я заберусь верхом и последую за тобой. Ну и что, что у меня ноги сломаны, зато у доброго коня они в полной сохранности. Так что его ноги, мои руки и голова. Получится отличная компания.

Шустрик явно разнервничался. В полусумраке шатра его глаза блестели от возбуждения.

Серега взял пару деревянных брусочков и положил их в очаг. Заметно холодало, к утру в палатке будет царить мороз.

– Уговорил. Куда я без тебя.

– Кстати, пока ты тут прохлаждался в гостях у воеводы, я взялся читать сочинение Корнелиуса Кнатца. Томик, который ты забрал на память о графе Улафе Дерри. И хочу сказать тебе, что это очень увлекательное сочинение.

Одинцов глотнул из кружки. Вино сегодня пилось чудесно.

– А я так и не смог читать. Скучное чтение. Очень много сложно нагроможденных слов, потока сознания какого-то. Одно слово – графоманщина.

– Что ты сейчас такое сказал? Я ни черта не понял, – заявил Шустрик.

Сергея вином поперхнулся. Откуда обитателю этого мира знать о графоманах. Они даже читать умеют один на сотню.

– Ладно. Не бери в голову.

– По мне так замечательная книга, – оценил Шустрик.

– Я думал, что прочитаю и многое узнаю о Железных землях, когда мне еще доведется там побывать. Но продраться сквозь всю эту галиматью не смог. Так что либо придется отступить, либо насиловать разум, – произнес Сергей.

– Не переживай. Я тебе переводить буду. По мне так увлекательное сочинение. Хотя если верить всему, что там написано, то просто голова раскалывается, пытаюсь вообразить все это. Правда, некоторые штуки, которые провозят ристеры из Пустоши, тоже не поддаются объяснению.

– Стоп. Ты о чем? Что за ристеры? Что за Пустошь? – заинтересовался Одинцов незнакомыми терминами.

– А ты что, в первый раз об этом слышишь? – спросил Шустрик, припадая к кружке.

– Точно так. Мне еще многое предстоит узнать в твоём мире. Так что рассказывай. Глядишь, за этими разговорами и сон придет. А то ни в одном глазу.

– Пустошь граничит с ханством Упаурык, восточные кочевые племена, объединенные под сильной рукой правителя. Лет десять назад у нас были с ними проблемы, которые, к счастью, успешно разрешились...

– Я уже слышал об этом, – удивил Леха Одинцов.

– С другой стороны Пустошь примыкает к Железным землям. Пустошь – это огромные пустые пространства, заполненные песком. Кажется, что там никто не живет, но это ошибочное мнение. В Пустоши обитают кочевые племена нелюдей...

– Что за нелюди такие? – удивился Серега.

– Я сам не видел их, поэтому ничего сказать не могу. Тут надо бы пораспрашивать ристеров.

– А ристеры кто такие?

– Ты меня перебивать будешь или историю слушать? – возмутился Шустрик. – Пустошь богата разными ценными штукавинами, очень похожими на нены, но... как бы это сказать, старыми, что ли. Словно их создали несколько столетий назад. Многие из этих штукавин не поддаются объяснению, их свойства не изучены. Время от времени в Пустошь уходят караваны, состоящие из ристеров – охотников за сокровищами. Не все из них возвращаются назад живыми. Но кто приходит с добычей, обогащаются знатно. Многие после удачного похода завязывают, перебираются на родину, покупают дом, лавку и живут в свое удовольствие. Кто-то остается навсегда в профессии. Опасность она, знаешь ли, притягивает.

Одинцов ухмыльнулся. Эти ристеры очень напомнили ему сталкеров из любимой книги.

– Кто-то из правителей снаряжал исследовательский отряд, но он не вернулся назад. У восточных народов даже проклятие такое есть: «да заберет тебя Пустошь». Кто же это был? Кажется, прежний граф Оранж.

Сергея улыбнулся. С каждым новым днем, прожитым в этом мире, он находил все больше и больше загадок и странностей. Когда-нибудь он сможет разгадать этот шифр и познать мир. Быть может, ради этого придется дожить до седины и вереницы внуков...

А чего это он о внуках-то задумался, поймал себя на мысли Сергей. Странная мысль. Чем дольше он находился здесь, тем меньше вспоминал о прежнем мире и тем меньше думал о возвращении. Похоже, он нашел свое место в чужом мире и теперь вращался корнями в новую жизнь.

Сергей допил вино, поставил на стол кружку и пустую бутылку. Сбросил плащ, отстегнул меч с пояса, а вот бронник снимать не стал, лень взялась. Меч поставил у изголовья кровати так, чтобы в случае опасности он мог беспрепятственно до него дотянуться.

– Давай спать. Утро вечера мудренее, как говорится. А во время перехода у тебя будет время рассказать мне, что ты прочитал в книге почтенного Корнелиуса Кнатца. Может быть, в твоём пересказе книга не будет мне казаться такой ужасной, – произнес Одинцов, стаскивая с себя сапоги.

Сергей забрался на ложе, закутался в одеяло, и стоило голове коснуться походной подушки, как он провалился в сон.

* * *

Сон был беспокойным и вязким, словно паутина. Малейшая попытка проснуться лишь только сильнее сковывала тело. И вот уже вроде спишь с открытыми глазами и видишь шатер, охваченный огнём, только пошевелиться не можешь. Остается наблюдать за тем, как пламя подкрадывается к тебе и медленно начинает облизывать кожу, после чего она напоминает печёное яблоко. Затем чернеет и сворачивается в пепел, и вот ты уже горишь. Только нет боли, словно все чувства умерли раньше, чем несчастное обречённое тело.

Одинцов очнулся, словно вынырнул из затягивающего на дно омута. Он не успел оправиться от страшного сна, как заметил скользнувшую по стенке шатра тень. Тихий шорох снаружи, скрип камешков на дорожке и приподнимающийся полог...

В этот момент Сереге почудилось, что он все еще мальчишка-десятиклассник, отправившийся с друзьями в туристический поход на Карельский перешеек, и вот друзья решили его разыграть, дождались, когда он уснул, и лезут к нему в палатку, намереваясь привести в действие свой коварный замысел. Не на того напали. Серега, преодолевая сонное оцепенение, взметнулся с ложа, в два шага преодолел расстояние до выхода, вцепился в человека снаружи, пытавшегося тайно проникнуть в палатку, и рванул на себя.

Да уж, мазать ему морду зубной пастой явно никто не собирался. На него ошарашенно смотрел незнакомый низкорослый человек, одетый в черный обтягивающий костюм, похожий на акробатическое трико. По нынешней погоде в таком облачении даже до нужника без угрозы для собственной жизни добежать нельзя. А тут акробат явно в дальний путь собрался. Вон губы уже синие и мелко дрожат. Но самое странное было в другом. Человек был чернокожим, отчего его неестественно белые глаза выделялись в ночной темноте. Может, он, конечно, и не негр, или как тут их афрочингачгуков называют, может, он чем-то вымазался, чтобы незаметно пробраться во вражеский лагерь. Только Сереге этого стресса хватило. Он вытаращился на мужика, словно советский школьник на первого увиденного в метро африканца, и с трудом сдержался, чтобы не закричать: «Ба, да это же негр».

Человек-тень в первую минуту опешил от такой наглости, но пришел в себя куда быстрее, чем Серега. Одинцов не уловил движения, но почувствовал, как что-то металлическое ударило его в живот, скользнуло по пластинам доспеха, царапая их, и ушло в сторону.

Вот тут шутки кончились. Протрезвление пришло мгновенно. Серега дернул мужика на себя и саданул кулаком промеж глаз. Испачкался в чем-то, все-таки африканец не настоящий, а мазутом каким-то перемазан. Так и знал, что повсюду обман и надувательство честных граждан. Человек-тень крутанулся, сбрасывая чужую хватку, взмахнул рукой. Серега отпрянул назад и ощутил, как в миллиметре от шеи скользнуло лезвие ножа.

Ни черта себе, акробат фортели выкидывает. Надо с ним поосторожнее быть, а то все честолюбивые планы накроются медным тазом из-под мокрого белья. И чего он все время тот проклятуший таз вспоминает? Вот же напасть-то какая.

Одинцов перехватил руку акробата с ножом, попытался взять ее на излом, но мужичок змеей выскользнул из захвата и ушел куда-то в сторону, размазался

тенью по пологу шатра и упал на Серегу, словно коршун на добычу, ударив ногами в грудь. Сергей словно с замковым тараном столкнулся. Дыхание мгновенно перехватило, он отлетел к кровати, перекувыркнулся через нее и оказался на полу.

На другой кровати пошевелился Лех Шустрик, приоткрыл глаза, спросонья выругался:

– Что за пьяные пляски? Веселье продолжается?

И тут же получил удар в голову. Крепко его приложили. Шустрик откинулся на ложе и не шевелился.

Этой минутной задержкой Серега воспользовался, схватив ножны с мечом. Тень скользнула к нему и попыталась ударить ножом сверху. Одинцов отмахнулся и заехал обидчику ножнами по лицу. Обнажить клинок времени не было, поэтому Серега использовал ножны как битую, обрушив ее на голову человеку-тени. Нож он выронил, а вот вырубить его не удалось. Ошеломить разве только малость. Акробат упал на колени, попытался встать, затряс головой, но тут Серега не растерялся и крепко его припечатал, словно палач, опуская меч на шею осужденного. Тень растянулся на полу и больше не подавал признаков жизни.

Серега сел на ложе, переводя дыхание, и только тут обратил внимание на шум, доносящийся снаружи. Он слышал что-то до этого, но ему было не до нарушителей спокойствия. Со своим бы разобраться. Натянув сапоги, Серега выбежал из шатра, сжимая в руках ножны с мечом, как бейсбольную битую.

На улице творился какой-то хаос. Горели факелы возле палаток, ржали встревоженные лошади. Несколько человек кружились в железном танце. Одного из них Серега сразу узнал. Десятник Лодий отчаянно рубился с тремя братьями-акробатами, очень похожими на того псевдонегра, который лежал, успокоенный, на полу командирского шатра. Волк ринулся было на помощь товарищу, но был остановлен свалившейся на него сверху тенью.

Да сколько же их тут! Хотелось закричать. В голову ударили чем-то тяжелым. Серегу повело. Он, не глядя, отмахнулся ножнами, почувствовал, что угодил во что-то мягкое. Глаза заливали пот и кровь. Серега уже почти ничего не видел. Он ударил наугад. Видно промахнулся, потому что тут же получил сильный удар

в живот. Скорее на интуиции, Одинцов взмахнул ножнами и, словно заядлый гольфист, ударом снизу вверх выбил половину зубов нападающему. Утерев кровь с лица, Серега смог осмотреться.

Лодий уже справился с одним противником. С двумя оставшимися он не сражался, а танцевал, к тому же вел партию, навязывая свою стратегию.

Надо бы позвать на помощь, разбудить лагерь. Нападение среди ночи. Вдруг этих акробатов тут целое войско, но Одинцов не стал этого делать. Он точно знал, что это пришли по его душу. По всей видимости, те самые профессионалы, которых привел Череп. А раз они тут из-за него, значит, это дело личное.

Серега убедился, что беззубый боец уже не опасен, и вытащил меч из ножен. Неспешной походкой – в правой руке клинок, в левой ножны – он направился на помощь Лодию, хотя ему помощь, по всей видимости, не очень-то и была нужна.

Переступив через обезглавленное тело акробата, Серега набросился с холодной яростью на одного из противников Лодия. Работая двумя руками, словно молотобоец, он мигом переломил ход сражения. Акробат сначала пытался сопротивляться, но сил у него не хватило. Сперва он пропустил удар ножнами в голову, а затем и сам не заметил, как оказался нанизан на клинок, словно утка на вертел. Стряхнув мертвеца с лезвия, Серега обнаружил, что Лодий тоже закончил. Он стоял над трупом с перерезанной шеей и вытирал об акробатическое трико меч.

– И что это такое было? – спросил Серега. – Поспать гады не дадут.

– Думаю, это по твою душу пришли, – ответил Лодий.

– Почему ты так решил? – заинтересовался Волк.

– Если бы они хотели убить воеводу, то с какой стати им лезть в твой шатер?

Серега усмехнулся, наклонился над головой акробата, лежащей в паре метров от туловища, и провел рукой по ее щеке.

– Чем это они измазаны?

– Специальный состав. Ночью невидимы, и даже собаки их не почуют.

Одинцов вытер руку о штаны и распрямился.

– Мне знакома эта техника работы. Эти люди из Гильдии наемных убийц, – заявил Лодий.

– Ты уверен?

– Мне ли не быть уверенным. Я не только узнаю их технику, но и вижу отличительные знаки. Видишь на правом запястье у него словно шелковый платок обернут вокруг руки? Это цех невидимок. А это и не платок вовсе, а один из ножей. Невидимки стоят очень дорого, если их отправили по твою душу, значит, ничего не жалко, чтобы тебя остановить.

– У меня возле шатра один и один внутри. Они были живы, когда я отправил их считать звезды. Думаю, скоро им это занятие надоест, и тогда можно будет с ребятами по душам потолковать, – сказал Одинцов.

Лодий горько усмехнулся.

– Ну, это вряд ли. Невидимки живыми в руки не даются. Скорее всего, они уже мертвы.

– Брось ты, я их только вырубил. Они на жмуриков совсем не похожи были.

– Организм сам отдаст команду на ликвидацию, как только почувствует опасность быть взятым в плен. В теле каждого члена гильдии живут сотни маленьких магических частиц, которые отвечают не только за оздоровление, но и за безопасность. Уверен, что если ты сейчас зайдешь к себе в палатку, то найдешь только гнилую лужицу.

– Какую такую лужицу? – не понял Серега.

– Эта магическая дрянь в крови превращается в кислоту и съедает все тело.

– Разбуди Дорина, Черноуса, Вихря и Бобра. Надо тут прибраться, пока весь лагерь не проснулся. Им не стоит это видеть.

Лодий коротко кивнул и бросился выполнять поручение командира.

Сергеа вернулся в свой шатер. Там, где еще недавно лежало тело, виднелась только вонючая темная лужа. К ней даже приближаться было противно, не то что смотреть, а уж подумать, что это кому-то придется убирать...

Одинцов боком обошел ее, добрался до кувшина с чистой водой, плеснул пару раз себе в лицо и направился к Леху. Шустрик лежал на одеяле и ровно дышал. Жив, пройдоха, и как всегда проспал все самое интересное.

Сергеа сел рядом с другом и облегченно вздохнул. Кому он понадобился? Зачем устраивать за ним охоту? Человека пытаются устранить силовым методом, когда он либо кому-то очень сильно мешает, либо когда он представляет серьезную угрозу. Но кому мог помешать простой сотник? Кто его так сильно боится?

Голова от ночного боя разболелась. Хотелось завалиться в кровать и спать беспробудно, но отдыха впереди не предвиделось. Полночи еще трупы убирать, так чтобы никто и не догадался о ночном происшествии.

Сергеа нашел лехов кувшин с вином, болтнул и довольно крикнул. Свой кувшин он еще перед сном опустошил, а вот Шустрик оказался слаб и кое-что все-таки оставил. На пару глотков хватит, чтобы справиться с головной болью. Сергеа выпил из горла, бросил кувшин на пол, поднялся и направился прочь из шатра руководить похоронными работами.

Глава 5 Огненный дождь

Замок, видимый с вершины холма, назывался Двенадцать Башен, просветил Одинцова Лех Шустрик, гордо восседавший на боевом коне, что не мешало ему при этом выглядеть потешным. Из-за скованности движений ниже пояса, там, где его ноги были зафиксированы в лубке жесткими бинтами, он напоминал ржавого робота. Сергеа держал Шустрика подле себя, чтобы не выпускать его

из виду. Мало ли помощь потребуется, или что еще. Хотя, конечно, за пройдохой мог присмотреть кто угодно из Волчьей сотни, но так Одинцову было спокойнее. У луки седла Шустрика висел в кожаном чехле арбалет со связкой болтов. В случае опасности он намеревался поработать снайпером. Из-за травмы ног мечник из него теперь был никудышный.

– Двенадцать Башен пограничная крепость, защищает подступы к Рибошлицу, – продолжил рассказ Лех.

– А от кого здесь защищаться? Разве что от нас или боркичей, – удивился Серега.

– В разные времена Рибошлиц подвергался нападениям со стороны своих не очень дружественных соседей. То боркичи решат взять реванш, когда-то это был их город. То многочисленные лесные банды вздумают встать на зимние квартиры. Так что сброда полно, есть кому в зубы дать да ребра пересчитать.

Одинцов обернулся и смерил взглядом растянувшуюся железную змею – рыцарское войско, неспешно продвигающееся по большому западному тракту. Он видел только железные шлемы, копья, дырявящие небо, и стяги, полошущиеся на ветру.

– Правда, в последнее время желающих откусить от жирного пирога Рибошлица кусочек все меньше и меньше. Так что и крепость пришла в запустение.

– А зачем кому-то нужен этот провинциальный городишко? – поинтересовался Серега, вернувшийся к созерцанию замка.

– Ну не скажи, городок торговый, богатый, золотишка там водится в большом количестве, – мечтательно протянул Шустрик.

– Поэтому ты в прошлый приезд решил с девчонками позабавиться и угодил в тюрьму? – хитро прищурившись, спросил Сергей.

– Вечно ты, Волк, всем недоволен. Тебе ничем не угодить. Ну пощупал, и тебе бы стоило пощупать, каково это, а то все в походах да в походах. В седле да в седле. Нельзя же так. Совсем ты себя, Одинец-молодец, не жалеешь, – насмешливо заявил Шустрик.

Слова Леха заставили Серегу призадуматься. А ведь правда, последние месяцы он провел в дороге и сражениях. Ни минуты покоя. Неожиданно он вспомнил Айру и стало грустно. Освободив девушку из рабских застенков, он оказался перед выбором. Два пути лежали перед ним, а он застыл на развилке. Путь воина оказался куда предпочтительнее, чем путь семьянина. Но был ли он прав тогда? Может, стоило выбрать Айру, осесть в Краснограде, завести хозяйство, дом и жить до конца дней своих как примерный семьянин и бюргер. Одинцов скривился. Он уже жил похожей жизнью в прежнем мире и чуть было не задохнулся. Значит, он предназначен для другого. Тогда к черту сомнения.

– Почему крепость называли Двенадцать Башен? – неожиданно спросил Серега.

Замок выглядел изрядно потрепанным. Чувствовалось, что тьма веков наложила на него свой отпечаток. Провалы в стенах, выкрошившийся камень, пробоины в бойницах. Замок выглядел доживающим свой век стариком с беззубым ртом и морщинистой кожей. Но как Сергей ни силился насчитать двенадцать башен, он видел только шесть, если за шестую принять провалившееся внутрь себя сооружение, стоящее возле западных ворот, давно заброшенное и облюбованное птицами и кустарниками.

– Когда крепость построили, в ней было двенадцать башен. После ее несколько раз перестраивали. Башни сокращались, помогали этому и осады и бои, проходившие в этих местах. Большая часть башен ушла в землю. Так что теперь это лишь эхо былого величия, – с сожалением в голосе сказал Лех Шустрик.

– Скоро мы будем в Рибошлице? – спросил Сергей.

– Думаю, что к исходу завтрашнего дня.

– С чего это? Тут же рукой подать. Можно и сегодня в город войти, – удивился Сергей.

– Вряд ли мы просто так минуем Двенадцать Башен. Владелец замка Огин Сорборо очень гостеприимный хозяин и старый друг воеводы. Глухарь не упустит шанс посидеть за вечерним столом с соратником. Когда-то им довелось служить вместе на границе лоскутных государств, отражать набеги упаурыков.

– Получается, мы застряли? – удрученно вздохнул Сергей.

– Получается так. Это всего лишь один вечер. Что может произойти за один вечер? Да ничего, – хохотнул Лех Шустрик.

Знал бы он тогда, как ошибался. Сколько неожиданностей и опасностей принесет им следующая ночь.

Сергея натянул поводья, развернул коня и направил его прочь с холма к тянувшейся в низине колонне вестлавтского войска. Шустрик последовал за ним. Приблизившись к Волчьей сотне, Сергей встал во главе отряда, рядом с Дорином и Черноусом, позади воеводы в окружении личной охраны.

– Что интересного нашли? – спросил Дорин.

– Скоро все сами увидите, – заявил Шустрик и хитро подмигнул Сергею.

Замок Двенадцати Башен произвел впечатление на десятников, которым раньше не доводилось бывать в этих краях. Черноус с Дорином обсудили удручающий вид некогда воинственного замка, прошлись по полуразрушенным стенам и сошлись во мнении, что взять это допотопное сооружение приступом они смогли бы в кратчайшие сроки, не особо затрудняясь, да и без лишних потерь. Сергей слушал их браваду с улыбкой. Он уже был наслышан о подвигах защитников замка и знал, что с осадой пришлось бы изрядно повозиться. Бойцы Волчьей сотни были настолько уверены в своих силах и командире, что Одинцов начинал опасаться, как бы это не вылилось в самонадеянность, которая на поле боя обернется катастрофой.

Вестлавтское войско вылилось на открытое пространство перед замком, и было остановлено ревом походной трубы.

– Разбивайте лагерь. Чую, что мы тут застряли, – приказал Дорину и Черноусу Одинцов.

Десятники спорить с командиром не стали, – ему виднее, и отправились исполнять приказ.

Вскоре сотников потребовал к себе воевода Глухарь. Одинцов посмотрел на Леха Шустрика и заявил:

– Поедешь со мной.

– Зачем я тебе нужен. Инвалиду требуется отдых, и не стоит омрачать своим видом взоры высоких господ, – заявил Шустрик, которому очень не хотелось сопровождать Серегу. Ну что он забыл в шатре воеводы. Ему бы с дороги отдохнуть, омыться ключевой водой, выпить вина да просто полежать в тиши и покое. А тут новые приключения.

Но Одинцов был непреклонен.

– Ты мой страховочный трос. Вдруг я что-нибудь забуду и начну нести всякую ересь, тут ты меня и одернешь. Так что прекрати болтать и вперед за мной. Мне нужен человек с ловкими мозгами, такими как у тебя. В конце концов, кто мой советник?

– Позволь, я уже несколько дней в седле. Моя задница скоро станет тверже, чем щит вестлавтского рыцаря. Я и отдохнуть хочу. К тому же, если воевода затащит нас в замок, как я буду передвигаться по залам и комнатам. На лошади?

Серега окинул оценивающим взглядом Шустрика и подозвал к себе двух солдат, оказавшихся на свое несчастье поблизости от командира. Как гласит народная мудрость, ноги лучше держать в тепле, а задницу подальше от начальства. Солдатам предстояло убедиться в этом на собственном опыте.

– Как зовут, хлопцы?

Если бы не командир, то на хлопцев они бы точно обиделись. Мерещилось им в этом слове что-то обидное, только вот понять что, никак не могли.

– Игнат, – представился один.

– Слива, – представился второй.

– Вот что, Игнат и Слива, мигом дуйте к десятнику Бобру и принесите подарок для Леха Шустрика. Десятник все поймет. Одна нога здесь, а другая уже сверкает.

Солдаты поспешили исполнить приказ командира. Шустрик нахмурился, созерцая довольную физиономию Одинцова. Волк развеселился. Ох, не к добру это.

Ребята отсутствовали всего несколько минут. Вскоре они появились, таща что-то громоздкое и непонятное. Приблизившись, они вытянулись по стойке смирно и доложили, что приказ командира исполнен. Подарок доставлен.

Лех Шустрик осмотрел с сомнением конструкцию из палок и парусины и спросил:

– Что это?

– Носилки для моего советника.

Сергея спрыгнул с коня, подошел к солдатам и развернул конструкцию.

– Теперь ты можешь не волноваться. По крепости ты будешь передвигаться в этом. А Игнат и Слива назначаются теперь твоими почетными носильщиками в мирное время.

Судя по скривившимся физиономиям бойцов, таким назначением они остались недовольны. В армию пошли, чтобы стать героями, покрыть свое имя славой, а тело шрамами от лихих сражений, а тут таскать на своем горбу ломаного острозуба. Великая честь.

Одинцов смерил солдат взглядом и пригрозил:

– И смотрите, негодяи, уроните Шустрика, будете до конца кампании в похоронной команде трудиться да дерьмо за лошадьми убирать.

Такое светлое будущее парням совсем не понравилось. Они нахмурились, и по их решительным лицам было видно, что теперь они Леха Шустрика ни на минуту одного не оставят, будут как сына родного охранять.

Шустрик страдальчески закатил глаза к небу и застонал. Пришлось подчиниться.

Время близилось к полудню, но небо затянуло серыми грязными тучами, похожими на больничные простыни. Изредка сквозь прорехи сеялся мелкий колючий снег. Надежды на просветление не было. Солнце забыло дорогу в мрачный мир.

Каково же было удивление Шустрика, когда он увидел багровое зарево на горизонте, словно отражение далекого пожара. Таким бывает закат в особо ясный день, когда воздух прозрачен и каждый клочок тела дрожит от восторга красоты божественного творения.

Этот закат очень не понравился Шустрику, но на обсуждение природных явлений времени не было. Воевода Глухарь и так заждался наглого свободолюбивого сотника.

Одинцов и Шустрик верхом, а Игнат и Слива бегом направились к штандарту воеводы, стоявшему неподалеку.

Серега наслаждался впечатлением, которое оказали на Шустрика носилки. А все-таки это он удачно придумал. В последний день, перед тем как покинуть лагерь, вдвоем с Бобром они уединились в палатке, сооружая непонятную конструкцию. Бобер сначала понять никак не мог, что такое удумал командир, а когда разобрался, с азартом приступил к работе. Были задействованы бойцы из десятка Бобра, а главное – все хранилось в строгой тайне. Не дай бог, Шустрик что-нибудь пронюхает, сюрприз не получится. Сложнее было прятать носилки во время похода. На марше они были не нужны. Серега ждал момента, чтобы преподнести подарок Шустрику, и ему удалось удивить Леха.

* * *

Владелец замка Двенадцати Башен Огин Сорборо был дородным господином лет шестидесяти.

Лысая голова, густая черная борода, прореженная сединой, один глаз затянут белой пленкой, отчего он напоминал тухлое яйцо, другой, мутный, с треснувшими капиллярами, так и рыскал по сторонам, отчего складывалось впечатление, что благородный владелец ищет, что бы такое стянуть, из того, что плохо лежит. Он был одет в богатый красный кафтан, отороченный мехом и

покрытый золотым шитьем, на голове шапка с меховой опушкой и двумя лисьими хвостами, свисающими на плечи, на ногах кожаные сапоги, подбитые металлическими подковами.

Владелец вышел на крыльцо усадьбы, стоящей на территории крепости, встречать гостей, въехавших через западные ворота. Возле крыльца выстроился десяток личной охраны в черных кафтанах, подпоясанных белыми кушаками. Они были вооружены алебардами.

Во главе группы гостей ехал воевода Глухарь, окруженный личной охраной. Подле него сотники Кринаш, Ругволд и Сабутай. Замыкали процессию Одинцов, Лех Шустрик и два пеших солдата с деревянной конструкцией, похожей на маленькую приставную лестницу, сложенную втрое.

Огин Сорборо спустился с крыльца и вышел навстречу гостям. Кавалькада остановилась. Люди спешили и встали строем, словно готовились встретить врага в клинки. Замешкался только Лех Шустрик. Серега помог ему спуститься из седла на носилки, которые развернули солдаты. Стоило только Шустрику поудобнее угнездиться на жестком сиденье, солдаты подняли его вверх, положив шесты себе на плечи.

– Дорогой друг, рад видеть тебя, – растянулись губы владельца в улыбке.

Он распахнул руки и направился к воеводе, кося с подозрением глаз на носилки с Шустриком.

Глухарь стиснул Сорборо в объятьях, так что покраснел от натуги. Владелец в долгу не остался, сжав друга в ответ. Так они соревновались несколько минут, кто кого переборет. После чего хлопнули друг друга по спине и разошлись в стороны, осматриваясь.

– Какими судьбами, старый ты глухарь? – спросил владелец.

– Проезжал вот мимо, дай, думаю, загляну.

– И правильно сделал. Пойдем в дом, чего зад на ветру морозить. Это кто с тобой? – поинтересовался Сорборо, оглядывая свиту воеводы.

– Сотники мои, – Глухарь поименно представил каждого.

Когда дело дошло до Одинцова, владетель смерил его взглядом, словно приценивался, скривился, будто у него разболелись зубы и задница в придачу, а глаз под мутной пленкой задержался, но Сорборо ничего не сказал.

– За мной. Стол накрыт. Извольте откусать с дороги, чем боги одарили.

Как же он приторно-слащаво это сказал, словно всю жизнь одной медовой патокой питался. Одинцов сразу решил, что владетель ему не нравится. Может, у него и отличный послужной список, может, он и прошел с Глухарем пограничную войну, но человек он с гнильцой. Нельзя ему доверять.

– А чего это ты с собой увечного притащил? – Серега расслышал вопрос Сорборо, заданный шепотом Глухарю.

Что ответил воевода, к сожалению, понять не удалось. Они уже скрылись за дубовыми дверями с железными накладками, украшенными растительным орнаментом. За ними последовала личная охрана и сотники.

– Не нравится мне этот лысый, – тихо произнес Шустрик, оглядываясь по сторонам.

– Мне, если честно, тоже, – признался Серега.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/dal-_dmitriy/volch-ya-sotnya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)